

Форс-мажор

Алексей Фомичев

Внешняя угроза: Второй шанс

«Автор»

2008

Фомичев А. С.

Внешняя угроза: Второй шанс / А. С. Фомичев — «Автор»,
2008 — (Форс-мажор)

Летом 1943 года военному контрразведчику Илье Титову и его соратникам удалось совершить невозможное: предотвратить вторжение на Землю армии пришельцев. В этом землянам помогали необычные союзники – «братья по разуму» с планеты Достея. Прошли десятилетия. И теперь помощь нужна уже достейцам. Их родная планета – под угрозой нового врага. Собственными силами справиться с ситуацией невозможно. Федерация принимает трудное решение: неофициально просить о помощи людей. Генералу Титову и другим фронтовикам предлагают пройти уникальный курс омоложения и отправиться на Достею, чтобы вступить там в борьбу с захватчиками. Для этого им придется призвать на помощь весь свой боевой опыт... Задание сложное. Риск велик. Но Титов и его товарищи принимают предложение...

© Фомичев А. С., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Часть 1	5
1	6
2	11
3	18
4	22
5	27
6	34
7	40
8	49
9	58
10	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Алексей Фомичев

Внешняя угроза. Второй шанс

Часть 1

Отсрочка от смерти

Майский день, первый рабочий после череды праздников, выдался по-летнему теплым, даже жарким. В воздухе явственно пахло расплавленным асфальтом, что заставляло прохожих морщить носы и недовольно вздыхать. Как будто мало густой смеси выхлопных газов и смога, коей привыкли дышать горожане!

По широкому тротуару вдоль домов, рекламных стендов и торговых лотков медленно шел старик. Был он довольно высок, однако сгорбленная спина, слегка согнутые в коленях ноги и опущенная голова делали его ниже, чем на самом деле.

Несмотря на жару, на нем был черный шерстяной пиджак. Под ним слегка вылинявшая белая рубашка. Отглаженные темно-серые брюки и черные туфли. В левой руке палка со стертым резиновым набалдашником.

Старик шел по краю тротуара, прижимаясь к домам. Шел медленно, шаркая туфлями и тяжело дыша. То и дело его обгоняли спешащие по своим делам прохожие. Молодые ребята на ходу бросали: «Извини, дедуся» или «Блин, встал тут, дедок». Один здоровый парень, с плечами и бицепсами культуриста, недовольно бормотнул: «Пить меньше надо...»

Но старик никак не реагировал на замечания, он вообще почти ничего не слышал, поглощенный своими мыслями и сосредоточившись на одном – дойти до дома.

Низкая скорость передвижения была следствием не чрезмерного употребления алкоголя, а чрезмерного возраста старика. Не так давно ему стукнуло девяносто два. Это более чем почтенный возраст, особенно если учесть, что средняя продолжительность жизни у мужчин не дотягивала до шестидесяти.

Вот он и шел, все больше опираясь на палку и все чаще переводя дух. И поглядывал на арку, куда предстояло свернуть. От нее до дома целых триста сорок шагов. Это как минимум четыре остановки, сопровождаемые болью в боку, тяжестью в груди и шумом в голове. Еще двадцать минут пытки под названием прогулка...

Лестницу к подъезду он преодолевал три минуты. Каждый шаг давался с таким трудом, что было желание все бросить и сесть прямо здесь. Но он знал – сесть хотя бы на минуту, сам встать не сможет. А униженно просить о помощи не привык.

Его квартира была на втором этаже старого, постройки времен Сталина дома. Благо работал лифт, последнее время часто отключаемый непонятно почему. Старик с закрытыми глазами переждал подъем, всегда вызывавший у него головокружение, и вышел на лестничную клетку. Не сразу нашарил связку ключей в кармане, с третьего раза попал в замочную скважину и с некоторым трудом провернул ключ в замке.

Зайдя в прихожую, нащупал выключатель, захлопнул дверь и без сил опустился на стул. Он просидел так минут тридцать, ожидая, когда немного отпустит. Потом открыл глаза, обвел взглядом просторный коридор и вздохнул.

«Наверное, это был последний выход из квартиры. В следующий раз меня вынесут ногами вперед. Вот и все, отжил свое...»

Старик опять закрыл глаза и привалился к спинке стула. По изрытой морщинами щеке скользнула непрошенная слеза.

1

Большие настенные часы показывали начало одиннадцатого, когда он открыл глаза. Минут десять лежал в кровати, прислушиваясь к себе. Ныла спина, горячий шар бухал где-то в затылке, давило виски. Что-то нехорошее происходило в животе. Ладно, хоть желудок пока не отказывал. Иначе бы пришлось кидать в стирку постельное белье.

Он встал, кое-как натянул старые тренировочные брюки, накинул халат и добрел до ванной. В зеркале, висевшем над полкой, отразилось изрезанное морщинами, скомканное лицо очень старого человека. Притом небритое.

Последний раз он брился на девятое мая. Вернее, брила соседка снизу, Вера Анатольевна. Она изредка заходила к нему, помогала приготовить обед, навести порядок. Он знал, зачем она это делает. Вера Анатольевна рассчитывала выйти за него замуж. Уже лет пять. То ли квартиру хотела получить, то ли и вправду чувствовала что-то. Он не разбирался. Ее приходы радовали его, но не настолько, чтобы однажды предложить переехать к нему.

Бриться не хотелось. Да и не было уверенности, что не дрогнет рука и не порежет дряблую сохшуюся кожу. Он провел ладонью по щеке, вздохнул и, глядя в отражение, прошептал:

– Совсем одряхлел, Илья. Дожили...

Почистив зубы и умывшись, он вышел в комнату. Настроение, испорченное после прогулки, упало еще больше. За годы службы он привык всегда быть в форме. Чисто выбритые скулы, аккуратный пробор, свежее лицо, протертое одеколоном. Отутюженный китель, острейшие стрелки на брюках, сверкающие ботинки. Раз и навсегда вбитый ритуал, без которого не мыслил себя.

На большом круглом столе, покрытым темно-красной скатертью, лежали альбомы с фотографиями. Он листал их каждый день. Вглядывался в знакомые лица, вспоминал друзей: погибших, умерших давно или совсем недавно.

Это было его главное занятие на протяжении последнего года. Телевизор почти не смотрел, радио слушал редко, газеты читал раз в неделю. Происходящее за пределами квартиры волновало его все меньше и меньше. И только фотографии, пожелтевшие черно-белые и цветные, занимали его внимание. Он жил прошлым.

* * *

Подойдя к столу, он открыл обложку ближнего к нему альбома. На первой странице большой цветной снимок. Парадная форма, ровные ряды начищенных до блеска орденов и медалей, на плечах беспросветные погоны, на каждом по большой звезде. Лицо немолодого, но еще не старого человека. Волевое, уверенное. Твердый взгляд, небольшие желваки на скулах, аккуратная прическа. Это фото было сделано в день увольнения, на шестидесятилетие.

Это он сам. Генерал-майор военной контрразведки Титов Илья Дмитриевич. Отчаянный розыскник, опытный командир, мудрый наставник, а теперь – дряхлый старик-пенсионер, доживающий последние дни.

Титов перевернул страницу и посмотрел на следующее фото. Молодая красивая женщина в модном платье и с пышной прической. Женщина улыбалась. Взгляд веселый и лукавый.

Генерал провел дрожащими пальцами по снимку. Сбил невесту как попавшую сюда крошку.

Его жена Марита. Его любимая женщина. Снимок был сделан в конце восьмидесят четвертого года. За месяц до ее гибели. Она так и осталась навсегда молодой и красивой.

– Ты уж подожди, милая, я к тебе скоро приду, немного осталось...

Генерал сел на стул, пододвинул альбом и открыл следующую страницу. В его ослабшей, но все еще живой памяти ожило прошлое...

...Разрушенный Рейхстаг. Горы мусора и битого кирпича, обрывки одежды, остатки перевязочного материала, разбитая мебель, вывороченные рельсы, гильзы, укрывшие побитый асфальт как первый снег. На уцелевших ступеньках трое мужчин и молодая женщина, все в офицерской форме. Титов и Марита стоят обнявшись. Рядом офицеры контрразведки из его отдела.

Победу подполковник Титов встретил на границе Польши и Германии. А через два дня сумел вырваться со службы и съездить в Берлин. Взяли «додж» и поехали вчетвером. До вечера бродили по городу, пели песни, пили вино, водку, спирт, трофейный ром и подаренное союзниками виски. Это были дни большого счастья и всеобщей радости.

Генерал перелистнул страницу. Верхнее фото – Титов на фоне небольшого вросшего в землю дома. Снимок сделан на хуторе в Западной Украине, куда его направили в сорок девятом из Берлина. До этого он служил в оккупационных войсках в Германии.

На новом месте вновь пришлось вспомнить войну. Бандеровцы, ОУНовцы – бывшие немецкие пособники, подкармливаемые Лондоном, устроили террор по всей западной части республики. Это была тяжелая борьба с сильным, опасным врагом. В которой гибли солдаты и офицеры армии и войск МГБ.

Фото ниже – Титов в больничной пижаме на пороге маленькой больницы. Это уже когда он смог ходить. Выглядел подполковник неважно – бледное лицо, впавшие щеки, похудевшая фигура.

Генерал закрыл глаза и перенесся на пятьдесят лет назад, в другую страну, в другое место.

...Его ранило в одной из сшибок в лесу. Граната, немецкая М-24, рванула за его спиной, и большой осколок, пропоров гимнастерку и нательную рубашку, раздробил лопатку и вошел в легкое.

В больницу его доставили быстро, и врачи до самой ночи проводили операцию. Осколок вытащили, рану обработали. Но товарищам Титова сказали честно: «Шансов мало».

Однако он выжил. Благодаря своей жене. И ее способностям. Она не отходила от него ни на шаг. Массировала, проводила процедуры, заставляла делать упражнения. Умирать Титов не хотел, старательно выполнял все указания и через полгода вернулся на службу.

Еще одно фото. Титов и Марита в Сочи. Лето пятьдесят пятого. Они приехали туда на отпуск. Титов ходил в гражданском, но форму взял с собой. В ней и фотографировался. На погонах по две звезды. Он тогда не знал, что прошли уже сутки, как ему присвоено новое звание.

А Марита в белом платье. Форму она сняла в сорок шестом. А китель с погонами старшего лейтенанта и двумя медалями висел в шкафу.

То лето в памяти Титова осталось как самое веселое и спокойное. Теперь и сам не помнил почему.

Рука перевернула две страницы. Большая фотография: пять офицеров стоят под елкой. Над ней транспарант «С новым, тысяча девятьсот шестидесятым годом!» Титов в центре, рядом сослуживцы из особого отдела армии.

Ниже другой снимок: он и Марита сидят за праздничным столом. Это через четыре дня после Нового года. Титов тогда прилетел к жене в Новосибирск, где та была в командировке.

Она специально выбрала работу, связанную с частыми отлучками и разъездами. Была веская причина для такого выбора...

Существовала у них одна проблема – неземное происхождение Мариты. А именно – способность ее организма долго не стареть. И это приносило семье Титовых массу хлопот. Нет, поначалу все шло хорошо. Офицерская семья: молодой муж и молодая жена. Но шли годы. Муж из молодого превращался в зрелого, пожилого, а потом и стареющего человека. А Марита была все так же молода.

Лет до сорока это воспринималось нормально. Но потом... Никакими особенностями организма, никакими косметическими средствами объяснить молодость было уже нельзя.

Марита в свои сорок пять выглядела на двадцать пять, максимум двадцать шесть лет. Знакомые женщины сперва восхищались ее внешностью, потом завидовали, потом начали желчно сплетничать.

Конечно, каких-то *особых* проблем явное несоответствие возраста и внешности принести не могло, но все же...

И тогда они придумали, как снизить накал страстей. Марита нашла работу, при которой приходилось много разъезжать по стране и бывать в разных местах. Она стала археологом. Работала с двумя институтами. Экспедиции, выезды, командировки... Новые люди, новые лица, новые знакомые. Которые ничего не знали о присланной сотруднице.

Титов, конечно, маялся без жены, но понимал необходимость такой маскировки.

Была и другая проблема. У них никак не мог родиться ребенок. То ли организм Мариты не воспринял новые условия жизни, то ли какая-то несовместимость мешала...

Поначалу оба сильно расстраивались, но потом поняли, что при их жизни отсутствие детей, скорее, благо, чем беда. Хотя Марита всегда хотела дочь, а Титов сына.

Генерал очнулся от воспоминаний, перевел взгляд на альбом. Еще пять фотографий. Он на фоне государственного флага страны. В новенькой, второй раз надетой генеральской форме. Шестидесят седьмой год. Тогда он получил назначение в третье главное управление КГБ. Ниже снимки с группой генералов и офицеров. Другие снимки с пикников на природе, куда изредка выезжали сотрудники управления.

А вот фото с Маритой в Ленинграде, у памятника Петру Первому. Шестидесят восьмой год. Здесь отлично видна огромная разница в возрасте между ними. Ей сорок восемь, хотя больше двадцати шести не дать. А ему пятьдесят два. Впрочем, и он выглядел моложе своих лет.

Старания Мариты не пропали даром, Титов имел отменное здоровье и выглядел молодо.

В семидесятом он перешел на преподавательскую работу. Стал обучать молодых контрразведчиков основам тяжелого и интересного дела. Учил многому, и очень хотел, чтобы они поняли и приняли главную идею их службы – оберегать мир и покой, завоеванный когда-то с таким трудом и такой кровью.

Сложно сказать насколько успешно перенимали знания офицеры, однако генерал знал, что его уважают. И за героическое прошлое, и за принципиальность, и за открытость. И за то, что никогда не заваливал слушателей, не придирался и всегда был готов подсказать, разъяснить, посоветовать.

Следующее фото – уже перед выходом в отставку. Праздничное заседание, высокое начальство – Андропов, еще полный сил и энергии. Чествовали его, Титова, желали многих лет жизни и хорошего отдыха после долгой, активной работы. Да, сорок лет в строю! Четыре года

войны и еще год в Западной Украине. А потом тяжелая, подчас по семнадцать-восемнадцать часов в сутки служба. Есть, от чего отдыхать.

Уйдя в отставку в семьдесят шестом, Титов уехал к жене в Сибирь. В небольшой город, куда Марита недавно перевелась. Здесь они прожили восемь лет. Восемь счастливых, прекрасных лет. Пока...

Титов дрожащей рукой переворачивал страницы, ища фотографии жены. Вот они. Марита под сосной, Марита на раскопках какого-то древнего города, Марита на пляже. В свои пятьдесят–шестьдесят она была все той же молодой женщиной: стройная фигура, свежее лицо, никаких морщин и складок. На нее всегда обращали внимание мужчины. А Титова принимали за ее отца или деда. Его это слегка сердило, а Мариту забавляло.

А потом наступил восемьдесят четвертый год. Черный год в его жизни. Марита в начале декабря улетела в Красноярск по делам. Должна была вернуться перед Новым годом. Должна была...

Самолет рухнул неподалеку от города. Никто не выжил.¹

Титов был сам не свой. С момента похорон до сорока дней после смерти он не произнес ни слова. Да и не с кем было говорить. Он уехал в деревню, чтобы не видеть знакомых и не слушать ненужных слов сочувствия.

Генерал провел рукой по фотографии, закрыл глаза. В памяти всплыло лицо жены. Веселое, совсем молодое...

Любил он ее? Да. Но понял это не сразу. После истории с уничтожением протерисканской разведгруппы были годы войны. А потом нелегкая службы в Германии, скрытое противостояние недавних союзников, так быстро ставших врагами. Было не до каких-то особых чувств.

Он знал, что она ему дорога. Однако насколько дорога, понял только после своего ранения. Когда Марита буквально вытащила его сперва из могилы, а потом из инвалидного кресла. Вот тогда Титов и почувствовал, что значит для него жена. И постарался сделать все, чтобы она была с ним счастлива.

Еще два года после гибели Мариты он жил в Сибири. А потом вернулся в Москву. Вел активный образ жизни. Ездил в лес, ходил на рыбалку, встречался с друзьями. Взял участок за городом и возвел небольшой домик. Летом жил там. В свои семьдесят выглядел хорошо и чувствовал себя неплохо.

Жену Титов похоронил под Красноярском и раз в год ездил туда на могилу. Долго сидел у скромного памятника, смотрел на фотографию и вспоминал. Горечь утраты была еще сильна, но уже утратила остроту.

Эта могила да тайник на даче – все, что осталось на Земле от визита инопланетных разведок сорок с лишним лет назад. И свидетелей той истории уже нет.

Генерал-лейтенант Вадис умер в шестьдесят восьмом, в полном забвении, изгнанный из рядов за «дискредитацию». Генерал-майор Сочнов пережил шефа на семь лет. Ему повезло больше, он был похоронен у себя на родине с почетом.

Полковник Самохин погиб в сорок восьмом на польско-советской границе, подорвался на старой mine как раз в день своего рождения.

Розыскники из группы Титова благополучно завершили войну и разлетелись кто куда. Титов потерял их из виду. Но потом узнал, что майор Кульков был тяжело ранен в Корее, стал инвалидом и умер от кровоизлияния в мозг в шестидесятом.

¹ Самолет ТУ-154Б-2 (регистрация СССР-85338) потерпел катастрофу 23 декабря 1984 года.

Подполковник Кузнецов был в пятьдесят шестом в Венгрии, в шестьдесят восьмом в Чехословакии, удостоен правительственных наград. Умер от инфаркта в восемьдесят втором.

Старший лейтенант Парфенов исчез из поля зрения, и сколько Титов не наводил справки, ничего узнать не смог. Возможно, Парфенов попал в заграничную агентурную разведку и оборвал все связи.

Шли годы, многие сослуживцы генерала умирали, кто-то пропадал, кто-то погибал. Ибо для госбезопасности и для контрразведки не бывает мирного времени.

Титов с грустью и болью смотрел на редющую компанию друзей и знакомых и каждой весной на День Победы недосчитывался кого-то еще.

Подкосила его перестройка: внезапный и быстрый развал сильного государства. Та скорость и наглость, с какой действовал генеральный секретарь, ставший вдруг президентом, удивляли его и наводили на грустные размышления. А потом начались годы отвесного падения страны в пропасть. Разбегание республик, развал экономики, воровство, бандитизм...

Генерал перестал читать газеты и смотреть телевизор. Ибо видеть, как гибнет страна, было выше его сил. А потом была Чечня. Первая война, вторая. Позор России, гибель детей в военной форме, вранье генералитета и Кремля, зверства бандитов.

Первый инфаркт он пережил в девяносто шестом, когда узнал о сговоре чеченской верхушки и преступника-президента. Второй – после взрывов в Москве.

Он пролежал в больнице почти три месяца. А когда приехал домой и увидел себя в зеркале, то не узнал. На него смотрел дряхлый, хилый, совершенно седой старик. И генерал понял, что его дни почти сочтены.

Однако железное здоровье позволило пусть и со скрипом прожить еще десять лет.

Последние годы Титов почти не выходил из дома. Ему никто не звонил. Бывшие сослуживцы и знакомые практически все умерли, близкой родни не было. А перед самым Первомаем генерал вдруг почувствовал, что подошел и его срок. И решил напоследок сходить в город на День Победы.

Эта прогулка дорого ему обошлась. Два дня он лежал не вставая, чувствуя, как по капле уходит жизнь из дряхлого тела. Ждал прихода безжалостного палача – смерти...

2

Приглушенный звонок домофона задремавший генерал расслышал не сразу. Вставать с дивана не хотелось, только-только вроде немного полегчало. Но переливчатая трель все не стихала.

Титов с трудом сел, привычно переждал боль в затылке и покалывание в боку, нашарил тапки, взял палку и кое-как встал. Еще несколько секунд ушло на то, чтобы отдышаться после подъема.

Хорошо идти всего три шага. Трубку домофона вывели в коридор рядом с дверью в комнату. Титов снял ее и сильным голосом спросил:

– Кто?

– Здравствуйте, Илья Дмитриевич! – раздался в трубке жизнерадостный молодой голос. – Меня зовут Николай. Я представляю фонд «Реабилитация». Мы приехали к вам.

Титов поморщился и отвел трубку подальше от уха. Громкий баритон парня раздражал.

– Что надо?

– Мы привезли вам приглашение. На лечебно-оздоровительные курсы, организованные нашим фондом.

Титов усмехнулся, только курсов ему не хватало! Послать бы этого говоруна куда подальше. Но генералу настолько надоело одиночество и сидение взаперти, что он готов был выслушать кого угодно.

Немного подумав, Титов сказал:

– Подождите.

Повесил трубку и зашаркал тапочками. В комнате, в верхнем ящике стола, под газетой лежал ПСМ – наградной пистолет, преподнесенный Титову в день рождения.

Небольшой, легкий, удобный, с хорошей кучностью и малым усилием на спуске. Долгие годы генерал хранил его в сейфе как память о работе и товарищах. Но, пролежав двадцать лет под замком, пистолет неожиданно пригодился.

Первый раз это произошло в девяносто шестом. Тогда некие ловкие дельцы, занимавшиеся скупкой жилья в столице, обратили свой взор на квартиру генерала. Двухкомнатная в хорошем доме с большим метражом. И живет в ней какой-то старый хрыч! Один! Зачем ему такие хоромы?

Не разобравшись толком, не «пробив» жильца, ловкачи заявили к нему под вечер вдвоем. Здоровенные амбалы в кожаных куртках. Плечи борцов и мозги куриц.

Встретил их дряхлый дед, явно не способный оказать ни малейшего сопротивления. Добры молодцы с ходу наехали на него. Предложили продать квартиру и перебраться в другой район.

Титов сразу понял что к чему, но виду не подал. Повздыхал, покивал и попросил подождать. Мол, за очками схожу. Амбалы радостно закивали и потеряли руки – совсем дед дурной!

Достать пистолет из сейфа и снарядить магазин тремя патронами – дело одной минуты. Генерал вышел в коридор к весело переговаривающимся браткам, направил пистолет в живот одному из них и неожиданно жестким голосом отчеканил:

– Кто дернется – схлопочет пулю первым. А ну марш отсюда! Явитесь еще – весь магазин выпущу!

Братки в оружии разбирались, угрозу оценили. Патрон хоть и малокалиберный, но одной пули хватит, чтобы натворить беды. И дедок оказался не промах. Откуда у него такая игрушка?

Разом побледнев и утратив веселье, они испарились. А Титов позвонил в свою бывшую контору и попросил одного знакомого, тогда еще работавшего там, помочь поставить квартиру на сигнализацию.

Видимо, братки все же опомнились и «пробили» квартиру. И узнали, что живет в ней отставной генерал из довольно серьезной конторы. Решили не рисковать и отстали от ветерана.

Титов из того случая урок извлек. Впредь держал пистолет в ящике стола с заряженным магазином. Правда, в магазин больше четырех патронов не вставлял, чтобы пружину не перегружать. И периодически переснаряжал пистолет.

Второй раз к нему приехали летом две тысячи третьего. Явилась небольшая делегация: представительного вида мужчина в черном костюме, молодая дама в очках и какой-то хлыщ.

Действовали грамотнее, чем предыдущие «гости». Предложили устроить постоянный уход за генералом. Прислать сиделку, организовать периодический медосмотр на дому, привозить продукты, готовить, стирать, убирать, перевести деньги на счет. А квартиру после его смерти отписать им.

Тон беседы предельно вежливый, голоса медовые, условия шикарные. На лицо забота о пенсионерах!..

Но генерал тоже был не лыком шит. О подобных конторах, где предлагают уход за стариками в обмен на их жилье, слышал. И знал, что такие сделки иногда заканчиваются внезапной смертью пенсионеров. То от инфаркта, то от инсульта, то еще от чего... и не докажешь, что смерть подстроена.

Словом, Титов отказался. Визитеры все поняли, раскланялись и убыли. Но генерал успел отметить нехорошую ухмылку молодого хлыща. И поджатые губы дамы. Отказов они, видимо, не любили.

А через неделю, когда Титов подзабыл о визите, к нему пришли врачи. Мол, обход пенсионеров, проверка, помощь на дому. Правда, бригада была странная. Одна женщина и два санитара. Здорово смахивающие на тех амбалов, что заходили семь лет назад.

От профосмотра генерал отказался. А когда один из санитаров, потеряв над собой контроль, попробовал повысить голос, Титов продемонстрировал пистолет.

Враз побледневшие «медработники» застыли у двери.

– Вот что, люди добрые, – душевно произнес генерал. – Вы не шалите, и уйдете живыми. И передайте тем, кто вас послал, что моя квартира вам не достанется. Уяснили? Тогда вон отсюда!

После этого случая он сходил к нотариусу и оформил завещание. Наследником указал аж четвероюродную племянницу, последнюю из родни, о которой хоть что-то знал. Жила та в Курской области, имела двух дочерей и троих внуков. Насколько смог узнать генерал, люди были хорошие, простые, работающие. Если кому и отдавать квартиру, то только им. Пусть хоть в чем-то в жизни повезет.

Правда, в завещании генерал указал особо – о наследстве дальней родственнице рассказать только после его смерти. Дабы не вводить в искушение. Ибо даже хорошие люди иногда не в силах устоять перед богатством. А для жителей провинции двухкомнатная квартира в хорошем районе Москвы – сродни кладу Монте-Кристо.

А пистолет Титов держал под рукой. Он стал своего рода лакмусовой бумажкой, тестом. Пока хватало сил снять оружие с предохранителя и дослать патрон в патронник – жив еще старый вояка! А нет... ну тогда уже все неважно.

ПСМ он положил в карман халата. Снял трубку домофона и сказал:

– Входите, если не ушли...

Визитеры не ушли. Их был двое. Молодой широкоплечий парень, одетый по-летнему – легкие брюки и просторная льняная рубака с коротким рукавом. И девушка. Тоже молодая, тоже в летнем наряде – коротком бледно-зеленом платье.

– Здравствуйте, Илья Дмитриевич! – вежливо склонил голову парень.

Девушка тоже сказала «здравствуйте» и встала у двери.

Эти гости не вызывали чувства настороженности. Оба открытые, молодые и улыбаются искренне. Либо хорошо играют.

Генерал нащупал в кармане пистолет и негромко сказал:

– Проходите в комнату.

* * *

Гости вошли, с любопытством огляделись. Генерал на ходу закрыл фотоальбом, сел на стул, указал визитерам на диван.

– С чем пожаловали?

– Дорогой Илья Дмитриевич, – начал парень, – наш фонд «Реабилитация» занимается помощью ветеранам войны и тыла. Мы проводим санаторные курсы лечения и восстановления здоровья. Даем возможность отдохнуть людям на природе.

Титов недоверчиво хмыкнул и погладил рукоятку пистолета в кармане.

– Что-то я ничего не слышал о таком фонде...

– А он недавно открыт, – вставил девушка. – Извините, не представилась. Меня зовут Настя. Фонд только-только начал работать. Построен пансионат неподалеку от Муромы. Там очень хорошая природа: озеро, лес. Мы готовим завоз первой группы ветеранов. Хотим пригласить и вас.

Титов скривил губы в легкой усмешке, переждал боль в спине и груди и некстати подумал, что если его прихватит при гостях, выйдет не очень ладно.

– На что только не идут, чтобы квартиру получить, – с некоторым трудом вымолвил он. – Хитрый подход.

Настя недоуменно посмотрела на него, переглянулась с Николаем. Тот тоже выглядел удивленным.

– Простите... квартиру? Какую?

– Мою.

Тяжесть в груди немного отпустила, но Титов все равно опасался делать глубокий вдох. Выражения лиц гостей его позабавили. Не ожидали таких слов от старика?

– Простите, – неуверенно произнес Николай. – Зачем нам ваша квартира?

– Как зачем? Это деньги и очень хорошие... не так ли?!

Они вновь переглянулись, ища в словах генерала какой-то скрытый смысл. Потом Николай закивал.

– А-а... понял! Вы хотите сказать, что мы пришли отнять у вас квартиру и придумали историю о фонде и пансионате?

– Что-то вроде того...

Девушка обидчиво поджала губы и достала из большой сумки папку.

– Напрасно вы так думаете, Илья Дмитриевич. Вот наши документы. Вот рекламный проспект пансионата. Вот копия разрешения на открытие фонда!

Девочка так расстроилась, что Титов мимолетно пожалел ее. Черт их знает, может, и правда пригласить хотят.

– Вот что, ребята, – произнес Титов, – вы, может, люди и хорошие, и зря я на вас так. Но раз начал говорить скажу до конца. У меня уже дважды пытались отнять жилье. Слава богу,

без серьезных последствий. Так что какие бы фокусы сейчас не придумали, знайте: квартира в случае моей смерти бесхозной не будет. Есть наследники.

Девушка готова была что-то возразить, но ее опередил Николай.

– Извините, Илья Дмитриевич! Это какая-то ошибка. Нам и вправду не нужна ваша квартира. И мы действительно приехали, чтобы пригласить вас в пансионат.

Генерал глянул на обиженное лицо девушки, и вдруг поверил гостям. Черт их знает, наверно, и впрямь хотели сделать подарок.

Он выпустил рукоятку пистолета из пальцев и сел поудобнее. Осторожно вздохнул. Вроде не болит.

Настя заметила вздох и сочувствующе спросила:

– Вам плохо?

– Да уж, нехорошо. Стар я для этих пансионатов. Все, отпрыгал свое. Скоро на кладбище, отдыхать.

– Что вы, Илья Дмитриевич! – горячо возразил Николай. – Вам всего... девяносто два! Это не возраст!

– Ну да, не возраст! Поживи с мое, посмотрим, как запоешь!

– Илья Дмитриевич, в пансионате вы поправите свое здоровье. Скажу по секрету, там разработана новая методика восстановления здоровья. После прохождения курса вы сами себя не узнаете. Честно говорю!

Титов улыбнулся. Хорошие ребятки, молодые совсем. Наверное, и впрямь не эти, не «черные риэлторы». Вот только очень уж самонадеянные.

– От смерти еще не придумали лекарств. И от старости тоже. Спасибо вам, ребятки, за приглашение. Найдите ветеранов покрепче...

Настя умоляюще сложила руки на груди.

– Илья Дмитриевич! Курс идет чуть больше месяца. Если не понравится, вы в любой момент можете уехать. Ну неужели вам по душе сидеть дома? Скучно ведь.

Это она угадала. Скучно. И тоскливо. Но таков удел стариков – тосковать, вспоминать и ждать.

– Нет, ребятишки, никуда я не поеду. И не уговаривайте.

Гости замолчали. Видимо, отказ генерала поставил их в тупик. Николай кашлянул, скосил взгляд на фотоальбомы и вдруг сказал:

– Илья Дмитриевич, в пансионате вы можете встретить своих однополчан, друзей. Поговорите, вспомните былое. Все веселее, чем одному.

Черт! На этот раз неугомонный паренек попал в точку. Вот поговорить с другими стариками Титов не отказался бы. На День Победы он толком никого и не увидел, быстро вернулся домой. А ну как в пансионате и впрямь кого-то встретит?...

Николай, видя, что зацепил старика, торопливо добавил:

– Первая группа – это только ветераны войны. Мы специально подобрали так, чтобы им веселее было. Привезли фильмы о войне, книги...

Титов покачал головой. Задумался.

А что он теряет? Разве плохо напоследок увидаться с людьми? Посидеть, поговорить? И умирать не так тоскливо будет. На миру и смерть красна... Вот только что, если это все же охотники за квартирами? Но завещание оформлено, все распоряжения сделаны. Никто, кроме дальней родственницы или ее детей (если она умрет), квартиру не получит. Так что выгоды от его смерти вдали от дома никому никакой нет.

И все же соглашаться генерал не спешил. Надо все обдумать, осмыслить. Как-никак последнее путешествие в жизни.

– Вот что, молодежь! – наконец произнес он. – Давайте сделаем так. Я подумаю, а вы завтра часикам к трем приходите. Ясно?

Видимо, такой ответ их устраивал. Николай вскочил.

– Конечно, Илья Дмитриевич! Завтра в три мы придем. А вам оставим проспекты. Почитайте, посмотрите, тут есть фотографии.

– Ладно-ладно, – остановил генерал гостя. – Посмотрю.

Он проводил визитеров, еще раз выслушал на пороге приглашение и настойчивую просьбу приехать, закрыл за ними дверь и доковылял до дивана. Выложил пистолет на стол, нащупал в другом кармане халата упаковку лекарств и вытащил две таблетки. Одну проглотил, запив водой из графина, вторую положил под язык. Лег на диван и закрыл глаза. Ему опять стало хуже.

«Вот придут завтра ребяташки, а я уже остыл; будет пансионат...»

О смерти он думал без страха. И даже с юмором. А что ему оставалось?...

Несколько раз просыпался ночью. Бессонница! Она редко мучила его, но если уж приходила, доставала сильно.

Вот и в этот раз короткие минуты забытья сменялись надсадными часами бестолкового лежания с открытыми глазами. Принять бы снотворное, но генерал не находил сил встать и дойти до стола. Так и лежал. Смотрел в потолок, вспоминал войну, потом мысли перескакивали на послевоенную службу, на жену. Потом он засыпал, чтобы через двадцать-тридцать минут вновь открыть глаза.

В один из таких моментов он и решил принять предложение гостей. Будь что будет! Если и вправду пансионат – отдохнет, увидится с кем-нибудь из ветеранов, поговорит.

А если хитрая ловушка... Что ж, так тому и быть. Он жил воюя, и умрет как солдат. От пули, ножа или яда врага. Все равно им ничего не достанется.

Надо только предупредить соседку, чтобы присмотрела за квартирой. И дала знать в милицию, если он не вернется в указанный срок. Да оставить ей адрес пансионата.

По поводу лечения и каких-то там методик Титов не обольщался. От старости еще не придумали пилюль. И судя по тому, как он себя чувствовал в последние недели, недолго ему коптить небо.

Скорее всего пансионат станет его последним пристанищем. Опоздали ребятки. Им бы лет десять назад организовать свой фонд. Да что уж теперь.

Утром он почувствовал себя и вовсе плохо. С трудом дошел до телефона, позвонил соседке, попросил подняться. Прибежавшей Вере Анатольевне рассказал, в чем дело. Соседка охала и прижимала платок ко рту.

– Вам не в пансионат, вам в больницу надо! – выпалила она. – В таком состоянии какая дорога?

– Ничего, – с трудом вытаскивал слова Титов, – ничего... Вы, Вера Анатольевна, за квартирой присмотрите. Я адрес вот оставил. Там родня моя живет, последняя. Если со мной что – напишите им или позвоните. Завещание я составил, тут все в порядке.

Соседка бросила на стол, где лежала записная книжка, быстрый взгляд. Вид у нее был огорченный. Видимо, прежний план женить на себе старого генерала и получить его жилье потерпел крах. А ведь у нее сын и два внука. Не вышло. Ладно, что ж теперь.

Дав соседке наставление и проводив ее, Титов стал собираться. Сборы были недолгими. Пара белья, тренировочный костюм, тапки, документы. Китель и награды он решил не брать. Пистолет оставил в сейфе. Что еще? Зубная щетка, паста, мыло, бритвенный прибор. Пригодятся ли? Кто знает...

За сборами и размышлениями как-то забылись болячки. Немного отпустило. Словно организм решил дать возможность хозяину доехать до пансионата. А может, почуял, что подошел финал и напоследок использовал резерв?

Мысли о смерти теперь постоянно присутствовали в голове, и генерал их не гнал. Знать, время пришло.

* * *

Представители фонда прибыли, как и обещали, ровно в пятнадцать ноль-ноль. Титов отметил пунктуальность и одобрительно кивнул – хороший признак. Значит, люди уважают его и себя. Он терпеть не мог любителей опаздывать, да еще оправдывать это объективными обстоятельствами.

Гостей встретил на пороге. Кроме Николая и Насти был еще один человек.

– Позвольте представить – наш доктор, Виктор, – сказал Николай.

Виктор здорово напоминал генералу прежних визитеров-амбалов, такой же большой, широкоплечий. Правда, лицо нормальное и взгляд не тупой.

Виктор поздоровался, окинул генерала профессиональным взглядом.

– Илья Дмитриевич, я вижу, вы готовы?

– Готов, – подтвердил тот.

– Внизу ждет автобус. Но прежде позвольте осмотреть вас.

– Это еще зачем? – нахмурился Титов.

Вместо доктора ответил Николай:

– Вы себя, кажется, плохо чувствуете. Надо посмотреть, может принять лекарство, чтобы нормально доехать. Это займет всего несколько минут.

Генерал хотел было возразить, но потом махнул рукой. Пусть делают что хотят! Раз он дал добро, то будет следовать их требованиям.

Осмотр и впрямь занял всего несколько минут. Виктор с помощью каких-то приборчиков проверил давление, пульс (а может и еще что-то), предложил Титову выпить таблетку и сказал, что через десять минут, уже в автобусе, сделает ему инъекцию.

– Общеукрепляющую. Это не больно... – зачем-то добавил он.

Генерал усмехнулся – нашел мальчишку, чтобы уговаривать!

– Нам пора. Илья Дмитриевич, вы кому-нибудь сказали, что уезжаете?

Титов смерил его подозрительным взглядом.

– А что?

– Ничего. Может быть, имеет смысл сказать соседям или родственникам. Пусть присмотрят за квартирой.

Титов таких слов не ожидал. Внимательно посмотрел на Николая, качнул головой.

– Сказал соседке снизу, она в курсе.

– Ну и отлично. Если хотите, мы зайдем к ней, представимся.

«Нет, это, похоже, не бандиты, – подумал генерал. – Слишком открыто действуют. Впрочем, они могут пойти на любую хитрость...»

– Не надо никого звать, – слабо махнул он рукой. – Я готов.

После таблетки он и вправду почувствовал себя лучше. Не стучало в висках, не ныла спина и не тянуло в груди.

Он хотел было поднять сумку, но Николай первым подхватил ее и шагнул к выходу.

У подъезда стоял микроавтобус синего цвета. На борту надпись «Фонд Реабилитация». Окна занавешены шторками. Когда Титов подошел к двери, она открылась, выехала широкая ступенька. Генерал встал на нее, и ступенька пошла вверх, поднимая его на уровень пола.

«Удобная вещь, – одобрил Титов. – Подумали о стариках...»

Автобус был специально оборудован как медицинский. Слева шикарное кресло на амортизаторах. С мягким подголовником, подлокотниками и удобным сиденьем. Его можно было откинуть назад, превратив в лежак. Перед ним столик с медицинскими приборами для регистрации состояния пациента. С другой стороны кресло для врача. За ним холодильник. Под потолком плоский прямоугольник телевизора. В конце салона биотуалет.

– Шикарно, – выдал результат осмотра Титов.

– Стараемся, – подхватил Виктор. – Все сделано специально для ветеранов. Присаживайтесь, пожалуйста. Сейчас поедем.

Он помог генералу сесть в кресло, прикрепил к руке датчик, включил аппаратуру, по ходу дела поясняя свои действия.

– Это контроль давления, работы сердца, мозга... вот так, голову можно откинуть, подголовник мягкий. Так удобно?

Титов чувствовал себя в кресле как в колыбели – ничего не мешало, не подпирало. Он так и сказал.

– Это специальная модель, – ответил Виктор. – Кресло принимает форму вашего тела. Потому и никакого дискомфорта. Я сяду здесь. Илья Дмитриевич, если захотите что-то, скажите мне. Еда, питье. Туалет здесь. Есть радио, телевизор.

– Спасибо, – вполне искренне поблагодарил генерал. – Пока ничего.

Настя тоже села в салон, а Николай рядом с водителем. Он обернулся, посмотрел, все ли готовы, и сказал:

– Можно ехать.

Автобус медленно вырулил на дорогу и стал плавно набирать скорость.

– Дорога займет около трех с половиной часов, – пояснил Виктор. – Вы хотите посмотреть телевизор? Или кино?

Титов отрицательно мотнул головой.

– Да нет. Я, наверное, посплю.

Его и вправду потянуло в сон. Уютная обстановка, мерное покачивание автобуса и ночное бдение сморили генерала лучше всякого снотворного. Через пять минут он уже склонил голову набок и мерно задышал.

Николай обернулся, поймал кивок Виктора и вытащил мобильный телефон. Быстро набил сообщение: «Гость с нами. Едем».

Отправил смс, дождался, пока пришло подтверждение, и довольно улыбнулся. Первый этап прошел успешно. Теперь дело за специалистами...

3

Пансионат «Реабилитация» стоял на берегу Оки в двадцати пяти километрах южнее Муром. Строили его ударными темпами, работа шла круглосуточно, без перерывов и задержек.

Землю под пансионат фонд выкупил, правил застройки не нарушал, придинок санэпидемистанций не было. Да и проплатили кому надо. До ближайшего населенного пункта шесть километров, дорог поблизости нет. Природа сказочная: лес, озеро, чистый воздух.

Первые пациенты приехали пятнадцатого мая, ближе к вечеру. Фирменные микроавтобусы проезжали раздвижные ворота, сворачивали к одноэтажным коттеджам и останавливались напротив дверей.

Каждого пациента селили в отдельный коттедж. Здесь было все, что нужно для отдыха и ухода: спальня, гостиная, ванная и туалет, небольшая кухня. Еще специальная комната для медперсонала, процедурный кабинет. В спальне целый комплекс аппаратуры, необходимый для отслеживания состояния пациента.

Ветераны – люди немолодые. Вернее, старые. Даже очень старые. Поэтому контроль за ними должен вестись круглосуточно.

Всего коттеджей было двадцать. Но в пансионат приехали четырнадцать человек. Все мужчины в возрасте от восьмидесяти четырех до девяноста двух лет. Все ветераны Великой отечественной войны, фронтовики. Вот такое вот случайно совпадение...

Титов проснулся, когда микроавтобус проезжал ворота. Генерал зевнул, увидел внимательный взгляд Виктора и спросил хриплым ото сна голосом:

– Что такое?

– Ничего, Илья Дмитриевич. Я смотрю за показаниями приборов. Как вы себя чувствуете?

Титов помолчал, прислушался к себе, вяло махнул рукой.

– Никак.

– Мы уже на месте. Сейчас подъедем к вашему коттеджу.

– Коттеджу! – хмыкнул генерал. – Надо же! Что, именно для меня?

– Именно для вас. И для остальных тоже.

Титов промолчал. Такая забота, да еще бесплатно, его удивляла. Либо они очень хорошие люди, либо все же хотят получить его квартиру.

Гадать Титов не хотел, да и мозги после сна плохо соображают. В конце концов, какая разница, что будет с этими квадратными метрами после его смерти? С собой в могилу он их все равно не заберет.

От дороги или от лекарств, но генерала клонило в сон. Он даже не стал осматривать коттедж, сразу прошел в спальню. Вернее, его провели, Виктор и Настя. Помогли разуться, усадили на кровать. Виктор опять достал свои приборы, видимо, измерял давление. Попросил Титова выпить еще одну таблетку.

– Сейчас придет медсестра. Она будет находиться здесь все время.

– Что, прямо в спальне? – нашел в себе силы пошутить Титов.

– Нет, для нее есть отдельная комната. Кровать подключена к единой системе контроля состояния. У сестры необходимый набор лекарств. Вот кнопка вызова.

Титов скосил взгляд на красную кнопку в изголовье. Хороший сервис.

– Вы хотите спать, Илья Дмитриевич? – спросила Настя.

– Немного, – не стал скрывать генерал. – Голова тяжелая и в груди давит.

– С завтрашнего дня начнем процедуры, думаю, вам станет легче, – сказал Виктор. – Отдыхайте, Илья Дмитриевич. Если что-то понадобится – вызовите сестру.

Титов подождал, пока они выйдут, расстегнул пуговицы рубашки и с трудом снял ее. Потом брюки. Хотел повесить их на спинку стула, но почувствовал, что встать уже не сможет. Вдруг накатилась слабость, зашумело в голове, а в груди, там, где сердце, что-то сдавило.

Ослабевшая рука выпустила брюки, и они упали на стул. Генерал лег, закрыл глаза, надеясь, что так станет лучше. Но стало хуже. Перехватило горло, волна холода прошла от ног к сердцу и дальше к голове.

Титов вдруг понял, что умирает. Мысль была неспешной, спокойной.

«Вот вроде и все, отжил! Зря ребята везли меня сюда. А смерть не такая страшная. Только неприятная...»

Он не стал нажимать кнопку. Знал, что уже ничего не исправить. Лежал на правом боку, свесив руку вниз, и вспоминал лицо Мариты. А когда оно вдруг пропало, судорожно, со всхлипом вздохнул и замер. Сжатые в кулак пальцы медленно разогнулись, кисть свободно повисла, почти касаясь края стула.

Из-под ресниц выкатилась слезинка, проползла по щеке и повисла у краешка губ...

Система дистанционного контроля была встроена прямо в кровать. Датчиками служили элементы каркаса и вставки в белье – маленькие прямоугольники более плотного, чем простыня или наволочка материала. Основание кровати представляло собой мультископ – комплексный прибор, с помощью которого можно отслеживать состояние органов. Спинка кровати служила антенной.

Система беспроводная, данные с антенны поступали на диагностический пульт, расположенный в комнате медсестры. Здесь постоянно дежурил врач. Перед ним на столе стояли два монитора. На одном отражались данные датчиков, на другом передаваемая мультископом информация.

Сейчас врач – молодой человек в белом халате и светло-зеленой пилотке – внимательно смотрел на мониторы. И то, что он видел, ему не нравилось. Пациент был в крайне плохом состоянии. Можно сказать – паршивом.

Изношенное сердце, истончившиеся сосуды, плохо работающие печень, селезенка, почки... Отвратительное кровоснабжение мозга, повышенное давление, причем прилично повышенное. Организм истощенного и в принципе доживающего последние дни человека.

– Что там? – раздался над ухом мягкий голос.

Врач повернул голову. В кабинет вошла медсестра. На ходу сняла пилотку и расстегнула пуговицу халата.

– Ничего хорошего. Если бы он отказался ехать сюда, то протянул от силы день-два. Сейчас его организм поддержан стимуляторами и неоплитом. И то едва работает. Я видел, как он упал в кровать. Состояние нестабильное. Возможно, он уже решил, что умер...

Медсестра подошла к столу, посмотрела на мониторы и пожала плечами.

– Что он думает сказать сложно. Но он и вправду был плох. Наверное, ночью надо будет делать дополнительные инъекции...

Врач неопределенно покачал головой.

– Видно будет. Пока он спит.

Врач повернулся к девушке.

– Можешь отдыхать, до смены еще четыре часа.

– Не хочу. Я днем специально выпалась, чтобы эту ночь быть бодрой. Как-никак первая ночь пациента здесь. Самая трудная.

– Самая трудная будет потом, на пике процедур. Вот тогда глядеть в оба. А пока стабильно-тяжелое положение, без неожиданностей.

Медсестра подошла к холодильнику, открыла верхнюю дверцу.

– Пить хочешь?

– Яблочный сок. Кстати, ты не видела, всех пациентов привезли?

– Десятерых. Еще четверо прибудут к ночи. Издалека везут.

Врач взял протянутый медсестрой стакан и опять повернулся к мониторам. Медсестра присела на соседнее кресло, отметила показания датчиков и отпила из бокала. Первое дежурство началось...

Будущих пациентов пансионата свозили из центральных областей России: от Курска до Перми. Приглашать ветеранов из более отдаленных мест не стали из-за временных рамок доставки. Везли всех в специальных автобусах. В самолет ведь древнего старика не посадишь, не долетит.

Уже вечером пришел автобус с последним ветераном из Смоленска. Его, как и других, разместили в коттедже, приставили медсестру и дежурного врача.

Кто-то из ветеранов сразу лег спать, кто-то попросил ужин. Окончательно все улеглись только к закату. Главный врач пансионата, совершив обход, собрал персонал в своем кабинете.

– Итак, все на месте. Судя по результатам первичных осмотров, в критическом положении трое. Еще четверо больны. Остальные в более или менее стабильном состоянии. Есть замечания или вопросы?

– Пожалуй, нет, – ответил за всех заместитель главврача. – Будут сложности с некоторыми пациентами, но в целом все нормально. Справимся...

– Справимся, – кивнул главврач. – Утром проводим полное обследование, назначаем процедуры. Напоминаю, предельное внимание к каждому пациенту. Никто ни на одну минуту не должен оставаться без контроля...

Отпустив сотрудников, главврач связался с непосредственным начальником. Им был представитель фонда «Реабилитация» Константин Лянерс.

Лянерс находился в своей комнате на третьем этаже главного корпуса. Сидел за компьютерным столом из темно-зеленого полупрозрачного пластика и пил кофе. Взгляд скользил по строчкам текстового файла. Когда тренькнул звонок входной двери, он, не оборачиваясь, громко сказал:

– Добрый вечер, Сергей Владимирович. Жду вас.

Главврач прошел в комнату, сел на диван, откинулся на высокую спинку и довольно закрыл глаза.

– Ну, кажется, все. Собрали.

– Жаль, что не всех. Но тут уж ничего не поделать. – Лянерс посмотрел на собеседника. – Кофе хотите? Здесь замечательный кофе. Мне нравится со сливками.

– Давайте. А мы не можем пригласить других ветеранов вместо тех шестерых?

– Нет смысла. Да и времени. Пока найдем людей, чтобы подходили по всем параметрам, пока проверим. Мы и этих-то с трудом отыскивали. С окончания войны прошло шестьдесят три года. Подавляющее большинство ветеранов умерло. А те, кто жив, в основном мало принимали участия в боевых действиях. Тыловики, снабженцы, вспомогательные службы. Они не подходят по определению.

– Да, отыскать живых ветеранов, имеющих опыт боевых действий, сложно, – вздохнул главврач. – Ну где там кофе?

Лянерс пошел на кухню. Главврач преследовал за ним.

– Заезд прошел спокойно, – высыпая из кофемолки в джезvu перемолотые зерна, говорил Лянерс. – Охрана выставлена. Продовольствие, медикаменты, оборудование на месте. Организационную часть мы выполнили. Теперь ваш черед.

– Утром начнем, – отозвался главврач.

– Каково состояние пациентов?

– По-разному. Большинство на пороге кризиса.

Лянерс подождал, пока кофе сварится, ловко перелил его в чашку. Вопросительно глянул на врача.

– Две ложки, – ответил тот на немой вопрос.

– А сливки?

– Благодарю, не надо. Я привык так.

– Может, коньяк?

– Не стоит. Мне нравится чистый кофе.

– Ну и я еще одну, за компанию. Не возражаете?

Главврач усмехнулся.

– Это вы меня как врача спрашиваете?... Как врач не возражаю, ваш организм стерпит и не такое. А как гость рекомендую – одному пить как-то...

Лянерс дотянулся до пульта и включил музыкальный центр. Зазвучала иностранная музыка.

– Как себя чувствует Титов? – спросил Лянерс.

– Плох. Михаил говорит, что тот лег умирать.

– Настолько далеко зашло?

– Еще сутки, и он бы умер. Мы вытащили его буквально в последнюю минуту. Девяносто два года, два ранения, одно тяжелое. Нервная работа, усталость. Как еще дотянул до такого возраста!

– Ну, это уже отдельный вопрос. С ним видимо будет трудно...

– Да нет, – главврач сделал осторожный глоток и одобрительно покивал, кофе был замечательный. Быстро Лянерс научился его готовить. – Он отстанет от графика только вначале, а потом наверстает.

– Надеюсь. Вопросов ветераны много задавали?

– Сегодня нет. Вопросы будут потом. И чем дальше, тем больше.

Главврач поднял чашку, вдохнул, ловя аромат напитка, и сделал еще один глоток.

– Надо подумать, когда мы им все расскажем.

Лянерс смотрел на черно-коричневую шапку пены. Не поднимая взгляда, глухо сказал:

– Придет срок, расскажем. Сперва пусть на ноги встанут. А то сердце не выдержит.

Главврач вновь поднял чашку. Да, кофе замечательный...

4

Он проснулся внезапно, рывком. Открыл глаза и пару минут лежал, соображая, где находится. Чужая комната, незнакомая обстановка...

Потом вспомнил. И изрядно удивился. Вчера думал, что это его последняя ночь. Так паршиво было, так все болело, что смерть выглядела избавлением от мук.

«Видимо, запасец остался, не все израсходовал, – без особой радости подумал Титов. – Поскриплю маленько...»

Новый день, новая боль и новые мучения. И непонятно, что лучше: тьма небытия или такая вот пытка жизнью?

Он вдруг почувствовал сильную резь в низу живота. Мочевой пузырь дал о себе знать. Генерал был рад и этому – не хватало еще превратиться в младенца и испачкать кровать. Но теперь надо вставать, и быстро. Иначе резь перейдет в боль, захватит весь живот и дойдет до груди.

Не успел он придумать, как половчее встать, чтобы и голова не взорвалась болью и спину не свело судорогой, как на пороге возникла медсестра.

– Доброе утро, Илья Дмитриевич, – улыбнулась она. – Вижу, вы встали. Позвольте вам помочь?

Стыд и смущение – удел здорово организма. А когда организм на ладан дышит, эти чувства куда-то уходят. Вот и генерал не испытал даже мимолетного смущения. В конце концов, не голым его застали. Хотя старческие кости показывать всем подряд тоже хорошего мало. Как и линялые трусы, неведомо кем названные семейными. Но перед ним медработник, она и не такое видела.

Медсестра, словно прочитав мысли Титова, быстро подошла к кровати, помогла генералу сесть, потом встать. Поддержала за руку, помогла надеть халат и повела к туалету. У двери сунула ему небольшую капсулу.

– Что это?

– Примите сейчас. Сразу проглотите. Вам станет легче.

– Зачем?

Титов с подозрением посмотрел на капсулу. Маленькая, светло-желтого цвета, какая-то маслянистая.

– Давайте считать, что курс процедур начат. С этой капсулы. Ладно?

Голос медсестры был ласковым и чуточку насмешливым. Титов не нашелся, что сказать. Бросил капсулу в рот. Против ожидания она легко проскочила в глотку, не вызвав неприятных ощущений.

Медсестра помогла генералу зайти в туалет и закрыла за собой дверь.

Санузел представлял собой довольно просторное помещение. Унитаз, раковина, какие-то настенные колбочки. Два поручня, чтобы легче было вставать. Все сверкает чистотой, словно здесь только что провели уборку.

Стульчак, сделанный из упругого материала, оказался неожиданно теплым. Генерал сел, закрыл глаза и вдруг подумал, что этот день он переживет. И то ладно...

Едва выйдя из клозета, Титов попал в цепкие руки последователей Гиппократов. Насколько они цепкие, генерал почувствовал на себе.

Сначала его накормили. Завтрак состоял из овощного салата, маленького стакана разведенного водой сока и... двух таблеток. Дав пять минут переварить еду, генерала отвезли (именно отвезли, на небольшой крытой машине типа кара) в корпус. На обследование.

Титов по роду своей службы не раз проходил медобследования и считал, что знает о них достаточно много. Но думал он так до сегодняшнего дня.

Его просвечивали на каких-то аппаратах, заставляли глотать пилюли и отслеживали их путь по компьютеру. Взяли все анализы, какие только можно взять. Осмотрели зубы, ногти, веки. Проверили уши, рот, нос. Изучили внутренности. Каким-то хитрым образом взяли образцы костной ткани.

Словом, вертели, как хотели и как могли. Но при этом ни разу не сделали больно. Даже когда брали кровь и образцы кожи. Не создали никаких неудобств. И вообще большую часть времени Титов провел в кресле. Если это чудо конструкторской мысли, нафаршированное техникой под завязку, можно назвать креслом.

Генерал не испытывал никаких неудобств. Станным образом практически ничего не болело. Он уже отвык от такого состояния и к собственному удивлению на середине осмотра задремал.

Занималась им целая бригада врачей. Обращение предельно вежливое и приветливое. Генерал и не подозревал, что увидит в пансионате такое. Пожалуй, удивление было единственным чувством, которое он сегодня испытывал. Приятное удивление.

По окончании осмотра его на той же машине отвезли в коттедж. Медсестра (Тоня ее звать вроде) ждала на кухне с готовым обедом. А после еды отвела в спальню – отдохнуть. Титов, полный удивления, даже не спросил, что будет дальше. Он чувствовал приятную усталость и заснул почти сразу после того, как лег в кровать. Никаких мрачных предчувствий на этот раз не было.

На улице стояла прекрасная погода, но уставший Титов не обратил на это внимания. У него не было сил даже выглянуть в окно.

А если бы выглянул, то увидел бы, как по широкой дорожке неторопливо прохаживается одетый в длинный халат человек. Единственный из всех пациентов пожелавший совершить пешую прогулку после долгого осмотра.

Тем единственным пациентом был Михаил Иванович Платов. Через месяц ему должно исполниться восемьдесят пять. Однако, несмотря на солидный возраст, чувствовал он себя довольно сносно. По крайней мере совершал ежедневные получасовые прогулки.

Наперекор врачам, уговаривавшим его полежать после медосмотра, Платов вышел во двор пансионата. Бродя по широким дорожкам, с удовольствием вдыхал свежий лесной воздух и смотрел на чистое небо. Для него, коренного южанина, родившегося и выросшего на берегу Черного моря и только год назад переехавшего к родне под Тамбов, здесь все еще было в диковинку.

Платов до сих пор жалел, что уехал из Геленджика, где прожил почти восемьдесят три года и где мечтал окончить земной путь. Но родственники настояли. Родня, правда, дальняя и по линии жены, умершей пять лет назад. Но все же свои люди.

Платов думал, что взяли они дряхлого старика к себе из-за его дома в пяти шагах от моря. Хороший такой дом, крепкий. И участок большой. Да, причина принять такого родственника была. Но Платов не возражал. Пусть будет так. Только попросил, чтобы похоронили его дома. На кладбище, где лежат родители, младший брат, сын и жена. Все близкие, дорогие ему люди. А как попадет туда и он, так и кончится род Платовых. Обидно, но что поделать?

Ветеран медленно бродил по дорожке, глядя по сторонам. Иногда останавливался, закрывал глаза и делал сильный вдох. Воздух здесь свежий, мягкий. А там, дома, он другой: солоноватый, с привкусом йода. Самый лучший воздух на свете.

Последние годы Платов любил сидеть у себя во дворе за столом и, глядя на море, вдыхать морской воздух. Почему-то именно он напоминал о молодости. И о войне...

Его призвали в начале сорок второго. После короткого обучения он попал в запасной полк, а оттуда в триста пятый батальон морской пехоты, которым командовал Цезарь Куников. В сорок третьем во время десантной операции Платов был ранен. Провалился в госпиталях три месяца. Оттуда его отправили на курсы младших лейтенантов. После их окончания вновь попал в морскую пехоту. Войну закончил в Германии. А демобилизовался в сорок седьмом, в звании лейтенанта.

Ему, наверное, везло на войне. Ранен был дважды, но не сказать что очень тяжело. А так пули и осколки обходили молодого взводного, и смерть хоть и бродила по пятам, заглядывала в глаза, но с собой не забрала.

Однажды вражеский снаряд упал прямо под ноги, обдав комвзвода грязью с ног до головы. Но не взорвался.

Бежавший рядом боец побелел и превратился в соляной столп. Едва откачали после боя, заикался еще неделю. А сам Платов хоть бы хны.

В другой раз немецкий танк наехал на окоп, где сидели Платов с ротным. И успел сделать два оборота, прежде чем его подбили пушки.

Когда Платова откопали, первым что он увидел, было обезглавленное тело ротного. А на самом ни единой царапинки.

Уже под конец войны, в маленьком немецком городке, куда пришел его батальон, шкет из гитлерюгенда закатил длинную истеричную очередь из МГ. Прямо по шедшей по улице роте. Трое рядом с Платовым упали, сраженные пулями, а лейтенанта не зацепило. И он, не целясь, навскидку, дал очередь из своего ППС по окну, из которого строчил немецкий пацан. Попал точно в лоб.

Ходил потом смотрел. Пацану лет четырнадцать было, дите еще. Но жалости Платов не испытывал. Из троих раненых двое умерли на месте, а третий через неделю в госпитале. Какая тут жалость?

Война, как и всем ветеранам, вспоминалась Платову часто. А в последние годы постоянно. Наверное, потому что это были самые яркие годы его жизни. А может, потому что это была его молодость?

О прошлом думали и другие ветераны. Те, кто не заснул после осмотра. Впрочем, таких было мало. Изношенные почти до предельного состояния организмы требовали покоя и расслабления. Из четырнадцати пациентов десятеро спали. Один бродил по дорожке, а еще трое лежали в постелях, глядя кто в потолок, кто на висевшую на стене картину.

По странному совпадению все вспоминали прошлое. Оно сейчас для стариков было более реально, чем настоящее. О приезде в пансионат никто не думал. Да и не происходило пока ничего интересного. Ничего из ряда вон выходящего.

– Разрушение иммунной системы, частичный отказ внутренних органов, нарастающее усыхание мозга, пораженная сердечнососудистая система. В принципе ничего из ряда вон выходящего. Старость во всей своей неприглядной красе. Добавьте ко всему прочему ранения, у кое-кого неправильно и не до конца залеченные в свое время.

Главврач обвел взглядом присутствовавших на расширенном совещании врачей и после паузы продолжил:

– Цель первого этапа: прекращение процесса старения, активизация защитных функций, включение механизма саморегуляции. Как всегда первый этап самый сложный и тяжелый для пациентов. Ни на миг не ослаблять контроля! Эта неделя будет нелегкой...

Медицинские процедуры – неотъемлемая часть пребывания в санатории или пансионате. Так что Титов был настроен на все эти осмотры, проверки, сеансы. Его ждали шприцы, таблетки, напичканная электроникой аппаратура, на которой старое больное тело будут просвечивать, прослушивать, прогревать, облучать.

«Зачем? – задавал он себе вопрос. – Продлить дряхлое существование еще на год, два? Еще четыреста-пятьсот дней шаркать ногами по полу, слезящимися глазами смотреть в окно и нагружать изношенные мозги воспоминаниями... Надо ли?»

Теперь Титов не знал. И если спросили бы сейчас, поехал ли он в пансионат, генерал мог и передумать. Но раз уж он здесь, надо терпеть. А терпеть было что...

По кабинетам его не водили, а возили. На каталке. На очень удобной, мягкой и уютной каталке. Какую не увидишь ни на улицах, ни в дорогах больницах.

В одном кабинете заставили проглотить несколько капсул. В другом уложили на стол и просветили тело с помощью некоего аппарата. В третьем сделали две инъекции. Причем генерал ничего не почувствовал, ему просто сказали об этом.

А потом привезли в бокс, где стоял огромный агрегат наподобие барокамеры. Титова уложили на стол, надвинули на глаза повязку, прикрепили к рукам, ногам и животу датчики и вкатили стол в камеру.

– Расслабьтесь, Илья Дмитриевич, – сказал врач. – Это длительный сеанс. Вы можете отдохнуть и поспать.

– Я здесь всю ночь буду лежать? – осведомился генерал.

– Нет, три часа. Никаких неприятных ощущений не будет.

Титов промолчал. Он хотел было спросить, что за процедуры проводят и что это за агрегат. Но потом передумал. Какая разница? Хуже они, во всяком случае, точно не сделают. Ибо хуже не бывает.

И он заснул под едва слышимый гул, который странным образом успокаивал и убаюкивал.

Генерал уже несколько раз сталкивался на улице и в корпусах пансионата с другими пациентами, такими же, как и он, древними стариками. Выглядели они не лучше него – морщинистые лица, седые волосы на затылке и над ушами, а то и вовсе лысые, глубоко проваленные глаза, тонкие шеи, извитые венами руки, высохшие тела.

Он замечал соседей, но никаких попыток заговорить не предпринимал. Да и сил, честно говоря, не было.

Разговоры врачей Титов не слушал, в суть процедур не вникал, реагировал только на прямое обращение. И вообще первые дни находился в полусне. Что такое скормливали ему, что генерал все время буквально спал на ходу? Снотворное какое, что ли?...

Просыпался только когда хотел в туалет. На обед, завтрак и ужин его будили. Помогали переодеться, обуться. Даже брили.

В другое время Титов бы рассердился на такую опеку – тоже мне, младенца нашли! – но сейчас молча делал что говорили. Напрягать мозги, думать, оценивать не хотелось.

Такая идиллия продолжалась четыре дня. А утром пятого он проснулся от странного ощущения в груди. Что-то здорово давило, да еще как будто жгло. Генерал открыл глаза, отки-

нул легкое одеяло и посмотрел на грудь. Он спал в тонкой пижаме из какого-то приятного на ощупь и совершенно невесомого материала.

Титов положил руку на грудь, прислушался к себе. Определенно давило, причем сильно. И вообще было очень неприятно. Боль в позвоночнике отдавала в затылок и виски.

«Конец? – отрешенно подумал он. – Ждал, ждал и дождался...»

Странно, но умирать сегодня Титов не хотел. Наверное, потому, что сон приснился хороший. Что-то о прошлом, о молодости, о Марите. Грех после такого сна отдавать концы.

Генерал нашарил рукой кнопку вызова помощи, вдавил ее, отпустил и нажал вновь.

Буквально через пять секунд в комнату вошла медсестра. С порога окинула его внимательным взглядом и улыбнулась.

– Проснулись Илья Дмитриевич? Что такое?

– Давит, – пожаловался он, чувствуя, что и говорить ему трудно. Язык вовсе не работает, слова какие-то шипящие, невнятные.

Медсестра подошла ближе, бросила взгляд на табло экрана, прикрепленное над изголовьем кровати.

– Все в порядке, Илья Дмитриевич. Вы просто устали. У вас все хорошо.

Она прикрепила какой-то предмет на его руке и нажала кнопку на пульте. Генерал почувствовал комариный укус укола, хотел что-то сказать, но не смог. Перед глазами встала пелена, и они закрылись сами собой.

Медсестра поправила одеяло, вышла из комнаты, щелкнула по микрофону гарнитуры, прикрепленной на ухе, и тихо сказала:

– У пациента признаки первичных изменений.

– Принял, вижу, – отозвался мужской голос. – Вводим катализаторы группы «В» и закрепители. Перевод в суточный спящий режим. Подготовить ванну и облучатели.

Дежурный врач ввел данные в компьютер и связался с главным врачом. Тот посмотрел доклад, довольно кивнул. Титов восьмой, кто прошел первичный этап и готов к процедуре внешнего очищения. Сразу после этого они начнут второй, более длительный этап процедур.

Здесь уже одним сном не обойтись. Здесь придется старичкам поработать. И много.

...После строительства пансионата местные жители не раз пытались посмотреть поближе, что такое здесь сотворили «столичные богатеи» и для чего. Но всех желающих сунуть нос за высокий забор ждало разочарование. Стены забора имели высоту в два с половиной метра, перелезть через них было довольно сложно, да еще множество датчиков засекали каждого любителя смотреть на чужое.

Пришлось довольствоваться вывеской над воротами: «Пансионат фонда „Реабилитация“. Частные владения. Посторонним вход воспрещен».

Кроме жителей соседних деревень, пансионат привлекал внимание милиции. Но участковый, проявив разок излишнее любопытство, имел долгий и весьма неприятный разговор со своим начальством из Муром. И сделал логичный вывод – владельцы пансионата уже заплатили кому надо и сколько надо и имеют надежное прикрытие.

Проблем местным жителям пансионат и его обитатели не создавали, нос за забор практически не высывали, вели себя тихо, и вскоре слухи и разговоры сошли на нет. Любопытство, как и все остальное, имеет свой предел.

5

Через день сонливое состояние прошло. Но лучше ему не становилось. Что-то тянуло внутри, что-то давило на грудь и позвоночник. Спина ныла, ноги как свинцом налитые. И голова тяжелая, каждый поворот как пытка. Болели локти, плечи, запястья, пальцы.

Титов совершенно случайно тронул макушку и с удивлением заметил, что не чувствует волос. Те реденькие тонкие седые волоски, что покрывали голову, пропали. Голова была гола, как бильярдный шар.

«То ли лечат не так, то ли лечение впрок не идет, – подумал он и невесело вздохнул. – Видать, мне ничего не помогает...»

Спрашивать врачей он не хотел. У тех на все один ответ: лечение идет как надо, все хорошо, потерпите. И сразу суют свои пилюли, а от них в сон тянет.

«Эксперименты на нас, что ли, ставят? Или препараты испытывают? Тогда понятно, почему такое внимание и уход. Но что можно сделать со стариком? В могилу его загнать? Он и так там одной ногой стоит. А то и двумя...»

Судя по электронному календарю, пошла вторая неделя пребывания здесь. Уже вторая!

Дней генерал не замечал. Они пролетали незаметно и не оставляли никаких воспоминаний. С утра до вечера, а иногда и ночью – процедуры. Во время которых он то спал, то сидел с закрытыми глазами, а то смотрел на экран, на картинки. Его обвешивали датчиками, на голову напяливали что-то навроде летного шлема, иногда погружали в ванну, иногда в барокамеру.

Пищу он принимал механически, вкус, правда, чувствовал. Мелькала перед глазами медсестра, добрая и ласковая девочка, все время что-то нашептывала, припевала. Улыбалась ему, за все время ни одного резкого или плохого слова. Илья Дмитриевич, Илья Дмитриевич...

Он вдруг захотел пить. Графин стоял на столике возле окна, до которого шага три. Их еще надо пройти.

Титов осторожно опустил ноги на пол, нашел тапки и, помогая себе руками, встал. Черт, трость лежит у другого края кровати. Ладно, так доковыляет.

«Три шага, это для здорового человека, – подумал он, глядя на столик. – А для меня все пять, а то и шесть...»

Шаркнул левой ногой, потом правой. Боль в ногах вроде прошла, зато позвоночник заболел сильнее. Он матюкнулся, стиснул зубы. Еще три шага. И еще два. Ну, наконец!

Нетерпеливо схватил графин, резко дернул на себя. От неловкого движения крышка соскочила и полетела вниз.

«Стеклянная, разобьется!» – мелькнула мысль. Тело среагировало само. Генерал резко присел и махнул рукой, ловя крышку у самого пола. И замер в этом положении.

«Черт! Что же ты, старый идиот, наделал?!»

Он закрыл глаза, готовясь встретить страшный удар боли в затылке, в спине и во всем теле. Столь резкие выпады в таком возрасте не прощаются. Как бы сознание не потерять и концы не отдать. А то прибежит Тоня, а пациент уже остыл...

Но прошла секунда, потом вторая. Боли не было. И вообще никаких неприятных ощущений. Генерал открыл глаза, осторожно, не дыша, начал вставать. Вот сейчас как шархнет!..

Не шархнуло. Генерал встал, водрузил крышку на место и только после этого позволил себе вздохнуть. Потом вновь снял крышку и отпил прямо из графина.

Прислушался к себе. Нигде ничего не болело, не ныло, не тянуло. Поднял графин на вытянутой руке. Рука не дрожала.

Генерал отошел от столика, посмотрел на ноги. Задрал куртку пижамы, ощупал живот. Задумался. Потом, закрыв глаза и закусив губу, резко присел до упора и так же резко встал.

Никакой боли, никаких скачков давления, никаких неприятных ощущений. И суставы не хрустят. И вообще во всем теле странная легкость.

«Что они со мной сделали? – как-то испуганно подумал он. – Может, я просто не чувствую боли? Ведь этого не может быть!»

В полусотне метров от него, в соседнем коттедже, другой ветеран, восьмидесятивосьмилетний полковник в отставке Баскаков Виктор Анатольевич, стоя на одной ноге с поднятыми руками, задавал себе тот же вопрос. Только его изумление было еще большим. Ибо на своей левой ноге он не мог стоять лет тридцать. А сейчас чувствовал силы даже присесть на ней.

* * *

В этот же час еще в нескольких коттеджах пациенты замирали в удивлении, обнаружив, что куда-то пропали боли в теле, что ранее нерабочие конечности, негнувшиеся спины вдруг начали слушать своих хозяев.

Сегодняшний день для всех пациентов пансионата стал днем открытий и удивлений. Первых удивлений. Но отнюдь не последних.

Всерьез достало его на следующее утро. Проснулся Титов от того, что дико чесалась голова. Он еще во сне начал расчесывать ее ногтями, и если бы по настоянию врачей не спал в легкой шапочке, то непременно расчесал бы до крови.

Первая мысль – вши. Глупо, конечно, откуда в этой стерильной чистоте вши? Но ничего иного ему в голову не пришло. Титов встал, привычно кряхтя и медленно перемещая корпус. Потом опомнился, сел резко, не почувствовал никаких неприятных ощущений и растянул губы в улыбку. Надо же, какое это счастье, когда ничего не болит!

Огляделся в поисках зеркала. Не видно нигде. Опять же по привычке зашаркал тапками, но потом перешел на обычный шаг. Вышел в другую комнату, в коридор. Нигде ни одного зеркала. Что за ерунда?!

Вспомнил о небольшом зеркальце над умывальником в ванной. Интересно, почему в коттедже нет зеркал? Забыли, что ли? Непохоже. Эти ребята предусмотрели буквально все. А где, кстати, Тоня и врач? Обычно они всегда тут как тут, когда он открывает глаза. Проспали?

Зеркало в ванной было и впрямь маленьким. Да и зачем большое? Титов ни разу здесь сам не брился. Да и на себя смотреть раньше охоты не было, не девица чай.

Сейчас генерал к зеркалу подошел с интересом. Снял шапочку и с некоторым трудом рассмотрел в маленьком прямоугольнике свою голову. Что за черт? Он провел рукой по макушке. И ощутил слабое покалывание кожи пальцев. Присмотрелся повнимательнее. Вот это да-а!..

Голову покрывал коротенький, едва заметный «ежик» волос. У него, как у ребенка, начали расти волосы. И не седые, а черные! Как в молодости.

Кожа на лице утратила землистый, мертвенно-бледный оттенок, налилась кровью, порозовела. Почти исчезли морщины.

Генерал скинул куртку пижамы, опустил взгляд. Руки, живот, грудь – везде кожа поменяла оттенок и вид.

Он вернулся в спальню и нажал кнопку вызова.

В комнате медперсонала медсестра и дежурный врач следили за Титовым по экрану монитора. Услышав сигнал вызова, врач посмотрел на медсестру.

– Началось! Настала пора вопросов. Ты готова?

– Да, – несколько неуверенно ответила та.

- Не волнуйся. Сейчас он только удивлен. Успокой его и отправь ко мне.
 - Он попросит зеркало.
 - Дадим. После разговора. Иди.
- Медсестра поправила пилотку, вздохнула, улыбнулась и шагнула к двери.

– ...И можете не сомневаться, Илья Дмитриевич, с вами все в порядке. Никаких отклонений.

– А что волосы растут, тоже нормально?

– Абсолютно! Я рассказывал, это наша методика восстановления. У вас меняется цвет и состояние кожи, волосных покровов. Гм... общее состояние нормализуется. Разве вы не чувствуете себя лучше, чем прежде?

– Чувствую. Это и удивляет.

– Что ж, мы рады, что смогли вас так приятно удивить.

Главный врач пансионата улыбнулся и развел руками. Титов, сраженный доброжелательностью и приязнью доктора, неловко кашлянул.

– Сергей...

– Владимирович, – охотно подсказал главврач.

– Сергей Владимирович, и до какой степени вы сможете нормализовать мое состояние? Тот вновь улыбнулся.

– Думаю, вы не будете расстроены результатом. А степень... вы будете чувствовать себя так хорошо, как захотите сами.

– Это как? – не понял Титов.

– Видите ли, основная причина многих болезней и недомоганий человека, в том числе и процесс старения, заложена в голове. В вашей голове!

– То есть? Я что же, сам себя заставляю стареть?

– Не совсем так, но как идея – верно. Видите ли, Илья Дмитриевич, ваша генетическая память хранит в себе множество программ, доставшихся по наследству от предков. И тех, кто жил сто тысяч лет назад и миллион. Вся биологическая цепочка, предшествовавшая вашему появлению на свет, накапливала, осваивала и хранила самую важную и нужную информацию о жизнедеятельности человека.

– Это как сейф с документами?

– Верно! В вашем мозгу есть сведения о способах быстрого разжигания костра в сырую погоду посредством двух палочек и навык обращения с оружием при охоте на мамонтов. Но это так сказать общая информация. При глубоком погружении в гипноз вы вспомните ее. А я говорю о памяти генетической. На... нашей планете, – главврач слегка запнулся, но увлеченный беседой Титов не обратил на это внимания, – человек в среднем доживает до шестидесяти-семидесяти лет, иногда больше. И вы – великолепный образец долгожительства.

– Да уж! – фыркнул Титов. – Образец! Едва коньки не отбросил.

Главврач напрягся, но потом кивнул. Не сразу понял иносказание генерала.

– Что-то в этом роде. Так вот, в силу ряда причин, в вашем мозгу, как и в мозгах других людей, стоят блокираторы. Именно они отвечают за приведение в действие системы самоуничтожения организма. Они же препятствуют вашему организму использовать резерв сил полностью. И человек, достигнув определенного возраста, умирает.

– Вы хотите сказать, что мы жили бы гораздо дольше, если бы наш мозг позволил это?

– В принципе да. Здесь много факторов, но именно внутренний «тормоз» заставляет людей уходить из жизни в шестьдесят, восемьдесят или сто лет. Человек выполняет заложенную в него программу и умирает. Освобождая место под солнцем следующим поколениям. Это верно с точки зрения развития человечества, но только если...

Титов пристально посмотрел на врача.

– Если что?

– Если человечество не найдет способ изменить внутреннюю настройку.

Титов покачал головой. Вот и дошли до точки! Договорились до фантастических предположений.

– Оставим домыслы. Я так понял, вы каким-то образом сумели воздействовать на наши мозги и повернуть процесс старения вспять?

«А он очень умен, – думал главврач, глядя на генерала. – И соображает быстро. Профессия накладывает свой отпечаток. Но пока говорить все не стоит. Должно пройти время...»

– Что вы, Илья Дмитриевич! – широко улыбнулся врач. – Мы используем новейшие методики очистки организма, процедуры омоложения кожи и органов. Однако вернуть вам молодость мы не в силах.

Титов украдкой вздохнул. Да, мечтать не вредно. Зря он думал, что врачи нашли способ отыграть у старости лет сорок. Ладно, их и так благодарить надо, что от смерти уберегли.

Ветеран был занят своими мыслями и не заметил паузы в словах врача, не увидел вильнувшего взгляда и странной интонации в его голосе.

– Что ж, все ясно. – Титов встал. Легко, без натуги и боли. Ощущение свободы в теле ему нравилось. – Пойду.

– Будут еще вопросы – приходите. Я всегда рад вас видеть.

Главврач проводил пациента до двери кабинета, напоследок заметил:

– С сегодняшнего дня вам прописаны прогулки. Начнете с получасовых, небыстрым темпом. Свежий воздух вам очень полезен.

– Благодарю, Сергей Владимирович. Всего доброго.

Главврач проводил взглядом ветерана, перевел дух и посмотрел на часы. Потом связался со своим помощником.

– Что у вас?

– Все по плану, – ответил молодой голос. – Ветераны наседают на врачей, требуют объяснений. Пока хватает обычной легенды с новыми методиками и достижениями. Только Титову не хватило слов дежурного врача, и он пошел к вам. Но как только перейдем к третьему этапу, прежнюю сказку они слушать не станут.

– Ничего, – успокоил помощника главврач. – К концу третьего этапа они и сами многое поймут. Кстати, особой прыти еще никто не проявлял?

Помощник, уловив игривую интонацию в голосе шефа, сам улыбнулся.

– Нет пока. Омоложение еще не зашло так далеко.

– Вот именно пока, – усмехнулся главврач и добавил: – Продолжаем работу.

– А вам, Петр Семенович, пора на прогулку. Тихонечко, не спеша, погуляйте минут тридцать-сорок, – обаятельно улыбаясь, уговаривала молоденькая девочка в коротком белоснежном халатике высокого старика в новом тренировочном костюме. – На улице чудесная погода, от озера свежестью так и тянет.

– Да я, девочка, уже лет пять только по квартире и хожу, – возразил полковник в отставке Петр Сорокин, глядя на медсестру добрыми уставшими глазами.

По крайней мере он думал, что глаза у него уставшие. Привык к этому. На самом деле глаза смотрели отнюдь не устало.

– Ничего-ничего, – подбадривала медсестра. – Вы ведь себя уже лучше чувствуете? Сами говорили.

– Говорил, – не стал спорить ветеран. – И вправду лучше.

– Ну вот. Не переживайте, ничего плохого с вами не случится. У вас на руках и на груди датчики, мы следим за вашим состоянием. Ну?

И ветеран сдался. Девушка помогла надеть ему легкие кроссовки, открыла дверь коттеджа.

– Пошли?

Сорокин ступил на дорожку, ведущую от коттеджа к лесу. Глянул по сторонам – солнце, легкий ветерок, и впрямь влагой тянет. Хватит ли сил дойти до воды? Еще неделю назад он однозначно сказал бы «нет». Но теперь...

Позавчера он неловко поскользнулся в ванной. Нога поехала вперед, ухватиться за что-то ветеран не успел. Такая неловкость должна была привести к падению, тяжелой травме и как бы не к смерти, если виском о край ванны.

Но тело среагировало само. Сорокин успел извернуться и восстановить равновесие. Такой трюк он мог проделать лет тридцать назад. С последующей расплатой в виде скачка давления, головной боли и растянутых связок. А сейчас только помянул мать и минут пять стоял на месте, соображая, что произошло.

После такого трюка полковник уже смелее смотрел на дорожку и на перспективу совершить первый пеший вояж за столько лет.

Он высвободил руку из пальцев медсестры, шагнул вперед и глубоко вдохнул чистый воздух.

– Я жду вас через сорок минут. Будильник в часах даст сигнал, – уже в спину сказала медсестра.

– Хорошо, – кивнул полковник и сделал еще один шаг.

Его вдруг захлестнула такая жажда движения, что едва не припустил бегом. Как все же хорошо быть сильным и здоровым!

– ...Пять приседаний, Михаил Иванович. Не спеша. Начнем?

Михаил Иванович насмешливо взглянул на доктора, подмигнул и вдруг быстро, без пауз сделал пять приседаний.

– Осторожнее! – воскликнул доктор. – Не так быстро! Вам пока нельзя испытывать перегрузки!

– Да ладно, я себя отлично чувствую! Хочешь, еще пять сделаю?

– Не надо! Отдохните. Вас еще прогулка ждет.

– А может, пробежка? Метров триста хотя бы?

Доктор скрыл усмешку. Этот прыткий ветеран хочет показать свою удаль перед другими пациентами. Веселый старик!

– Не стоит, Михаил Иванович. Вы и так быстрее всех адаптируетесь. Не надо спешить. Бег у вас завтра. А пока прогулка, потом бассейн. Вечером массаж.

Платов вздохнул, но не стал возражать. Этому мальчику, как и другим докторам, он верил. Уже успел понять, что их «курс» помогает сбросить десяток-другой лет. Пусть все идет, как они говорят.

– Ну, я пошел.

– Конечно, Михаил Иванович. Удачной прогулки!

Старики оживали. Сгорбленные, высохшие, обессиленные, стоявшие вплотную к последней черте, они вдруг почувствовали в себе энергию. Многочасовые процедуры, лекарства, ванны, лечебные комплексы словно сбросили с их плеч груз лет и позволили почувствовать себя если не молодыми, то еще не совсем старыми людьми.

Пропадали морщины, вырастали новые волосы, молодела кожа. Внешние признаки омоложения были видны всем. Но не видны внутренние изменения. А они были гораздо сильнее. Правда, ветераны пока этого не чувствовали.

Через день ему добавили плавание. Пока в бассейне (и таковой здесь был). Двадцать минут любым стилем, не быстро, в свое удовольствие. И отжимания. Пять раз. Дважды в день.

Последний раз Титов отжимался лет тридцать назад. И не думал, что сможет вообще это сделать. Но смог. Под бдительным взглядом тренера. Смог бы и шесть, но не позволили.

– Достаточно, Илья Дмитриевич. На первый раз хватит. У вас была хорошая мускулатура, навык сохранился, а сила скоро придет. Мы с вами так скоро и до подтягиваний дойдем.

Титов промолчал, но про себя порадовался – есть еще порох в пороховницах! Ай да врачи!

Но почивать на лаврах некогда. Не дают.

– ...Комплекс «данист» представляет собой инкубатор молодых клеток, так нужных вашему организму. Их вводят двумя способами – внутривенно и комбинированно. Вы глотаете капсулы, а специальное внешнее управляющее устройство доведет их до нужного места. Процедура безболезненная и довольно быстрая. Правда, после этого надо отлежать в ванне час для закрепления результата. Пospите, посмотрите красивый сон.

– И что делать? – спросил Титов когда второй врач принес ампулы с комплексом.

– Сейчас сделаем инъекции, а потом вы выпьете раствор и пойдете в ванну.

Генерал послушно скинул куртку спортивного костюма. Пижама у них забрали сразу после первого тренировочного дня. Мол, их время прошло. Ветераны не возражали, наоборот, многие радовались – спортсменом выглядеть лучше, чем старой развалиной.

– Давайте руку... – Михаил, дежурный врач Титова, приставил к его предплечью шприц в виде пистолета и нажал на кнопку пуска. – Вот так. Не больно?

– Нормально, – отозвался генерал. Боли не было, только слабый зуд.

– А теперь ампулы.

Второй врач – Тимур – подал Титову блюдце, на котором лежали три ампулы. Размером с яблочное зернышко, синего цвета, на ощупь теплые. Титов бросил их в рот, запил водой и чуть поморщился. Ампулы были кисловатыми.

– Пора в ванну, – кивнул Михаил.

Ванна в лечебном корпусе была необычной. Из полупрозрачного материала, изнутри отделана мягким пластиком. Наполняли ее неким пахучим раствором, немного вязким, приятным на ощупь. Специальный подголовник фиксировал голову, руки ложились на подставки, ноги на уровне головы. Ступни и икры обрабатывали гидромассажем.

На голову надевали что-то вроде подшлемника, только сетчатого, с десятком датчиков. Лежать в такой ванне очень приятно.

После сеанса Титов чувствовал прилив сил. Правда, всегда как-то странно ныли мышцы, словно во сне генерал усиленно двигал конечностями.

В этот раз привычный раствор заменила жидкость светло-зеленого цвета. Без запаха, но липкая, как клей. Когда Титов лег, к рукам и животу подвели несколько датчиков на фиксаторах. Надели шлем, закрыли глаза мягкой повязкой.

– Вы заснете через полминуты. Расслабьтесь. Думайте о чем-то хорошем.

Подумать Титов не успел. Сознание ушло как-то сразу, рывком, и генерал провалился в сон. Действительно красивый, как ему и обещали.

– Нет, Григорич, тут что-то не так.

– Да что тебе не так? Плохо кормят? Не лечат?

– Вот именно! Не лечат! Это что угодно, только не лечение! Как-никак жена медсестрой была, толк в этом знала! И я соображал.

– Это когда было? Лет сорок назад? Тогда и лечили иначе и вообще все было другое. Ты, Андреич, все привередничаешь! А вспомни, каким тебя привезли сюда? Сам-то ходить уже не мог! А сейчас не только ходишь, но и бегаешь потихоньку! Что же тебе не нравится?

– Да я и не говорю, что не нравится! Просто странно как-то... Волосы растут, суставы не болят, спина гнется легко. И сердечко не шалит. А у меня, между прочим, с войны осколок сидел в спине. Нигде не могли вытащить, рискованно мол. А здесь вытащили!

– Вот! И я о том же! Врачи здесь отменные. И лекарства их и процедуры помогают. Я двадцать лет хромал. А сейчас нога как новая...

Ветеран осекся, замолчал. Постучал по бедру и медленно повторил:

– Как новая...

– Ладно, чего встал, пошли, – окликнул его второй ветеран. – Нам еще пять минут пройти надо. Тарасыч вон бежит. Уже третий круг наматывает. Ему разрешили полтора километра бегать, с паузами, правда. А мне только полкилометра позволяют.

– Ничего, наверстаешь... – Григорич опять похлопал себя по ноге и ускорил шаг. – То ли еще будет...

В другом конце пансионата, у леса, трое ветеранов выполняли разминочный комплекс под присмотром молодого инструктора. Приседания, наклоны, вращения руками, корпусом, повороты... Внешне обычная утренняя гимнастика. Только выполняли ветераны ее чуть иначе. Каждое движение то с силой, то медленно, застывая на середине, то быстро.

Мышцы горели, пот тек по спинам и груди, но никто не жаловался. Еще недавно практически прикованный к кровати майор в отставке Павел Константинович Оноженко от счастья, что опять может ходить, готов был делать что угодно и сколько угодно. Он на ногах! Ходит, плавает, вот-вот бегать начнет!

Руслан Дмитриевич Бесков, бывший полковой разведчик, за последние два года потерявший зрение, от радости, что снова видит, едва не прыгал.

Шердин Андрей Борисович после двух инфарктов с трудом доходил до кухни. А сейчас мог пройти почти пять километров.

Словом, причины для радости были у всех. И нагружали они себя жадно. Как вернувшиеся с того света. На который едва-едва не угодили...

После комплекса упражнений инструктор дал им двадцать минут отдыха и попросил вернуться в пансионат самим.

– Проойдитесь не спеша. Бежать не надо. Бег у вас с завтрашнего дня. К обеду не опаздывайте...

И здесь после ухода инструктора возник разговор о пансионате, о странном лечении и о результатах, прямо сказать фантастических. Спорили, сомневались, строили догадки. Но в итоге пришли к выводу: доктора – молодцы, прямо-таки волшебники. А руководство фонда – прекрасные люди. Ибо бесплатно в наше время никто ничего никому не делает. А эти проявили заботу о ветеранах.

На этом споры и закончились. Но вопросы не исчезали. Множество вопросов. Просто пока собрать их воедино, выстроить логическую цепочку и придти к определенным выводам было некому. Да и незачем.

Ветераны наслаждались здоровьем. И ждали новых чудес.

6

Казус случился с Михаилом Ивановичем на тринадцатую ночь пребывания в санатории. Такой, прямо сказать, неприятный казус, подростковый.

А произошло все во сне. Сон был ярким, красочным, интересным. Прямо как кино. Снилось Михаилу Ивановичу молоденькая полька, с которой он познакомился, когда их батальон встал на две недели под Вроцлавом (в те годы Бреслау).

Дочь хозяина хутора, веселая заводная дивчина, всю войну пересидевшая в глухом лесном уголке подальше от немцев, к русским липла сама. Все ей было интересно, все привлекало. И молодые парни были вовсе не прочь поближе познакомиться с девчонкой.

Ротный – мужик строгий и жесткий в вопросах отношения с местным населением – предупредил: «Морду набью и на камбуз сошлю, коли кто чего сотворит!» Слова с делом у капитана не расходились, и ретивые ухажеры норов укоротили. Смотреть смотрели, шутить сколько угодно. Но рукам воли не давали. Да и отец девчонки – хромой мужик с плечами молотобойца и кулаками как кувалды – за дочерью смотрел.

Но недосмотрел. Ганка сама выбрала себе парня. Самого молодого в роте, самого неопытного и застенчивого. Мишку Платова. К тому моменту тот уже командовал взводом, наградами не обделен. Смелый хлопец, но с девчатами робкий. Может, поэтому хозяйская дочка и оставила на нем выбор?

Как там ни было, стали они встречаться. Тайком от всех. По крайней мере они так думали, что тайком...

К себе Ганка его подпустила за два дня до ухода части. Две ночи они провели вместе и два утра. Это были самые лучшие дни в жизни Михаила Платова. Горячая девчонка ластилась, как кошка, была нежна и неутомима. Да и он робость подрастерял быстро и честь моряцкую не уронил.

Провожала она его вместе со всеми, ничего не просила, ничего не обещала. Но смотрела так, что у него сердце ныло. Он тоже на нее смотрел. Только на нее. И не замечал взглядов ее отца и своего командира.

...Уже на границе с Германией ротный отвел его в сторонку и сказал:

– О твоём романе вся рота знала.

Михаил не успел удивиться, как капитан продолжил:

– Но парни молчали. Видели, что ты серьезно. И я молчал. Знаю тебя два года, потому и не лез.

Он замолчал, достал папиросу, прикурил.

– Не знаю, как там у вас... Но ты смотри, девчонка молодая, хорошая... такую и в жены можно.

Встретив полный боли и надежды взгляд взводного, капитан смешался, махнул рукой.

– Ладно, как знаешь!

После того разговора решил Михаил, что найдет польскую девчонку Ганну и увезет с собой в Геленджик. Но ничего из этого не вышло. Не судьба.

А ротный, ставший заместителем командира батальона, погиб первого мая сорок пятого. Последний залп немецкой минометной батареи накрыл НП и похоронил всех, кто там был.

* * *

Все это снилось Платову. А под конец сон вдруг дал поворот и показал самые горячие моменты их свиданий с Ганкой.

А утром, уже проснувшись, почувствовал Михаил Иванович некое неудобство. Поняв, что именно произошло, минут пять лежал, чувствуя, как пылают щеки и стучит сердце.

Надо же, дожил! На девятом десятке обтрухался, как мальчишка! Вот стыдобища! Да еще его... аппарат стоит, как часовой! Тьфу, вот оказия!

Быстро проскочив в ванную, Михаил Иванович залез под душ, а испачканное белье бросил в тазик и замочил. И только после этого немного пришел в себя.

А успокоившись, стал соображать. Его мужская сила ушла эдак с четверть века назад. И ее внезапное возвращение наводило на мысли.

Через полчаса к нему зашла медсестра и с улыбкой на сочных губах задала обычный вопрос: «Как спалось, Михаил Иванович?»

И Платов впервые посмотрел на нее как на женщину. Молода, красива, фигура что надо! И халатик не такой уж длинный, вот коленки сверкают и ляжки видны, когда садится.

Странно, раньше он этого не замечал. Хотя, почему странно? Какое дело старику до прелестей молодки, когда одна нога уже в могиле?

«А теперь, выходит, из могилы я вылез... Раз уж мое хозяйство взбунтовалось. Что же тут с нами делают, что и силы прибавляются, и мужское естество оживает?»

– Пятый, – констатировал дежурный врач, наблюдающий за Платовым. – Платов пятый за сегодняшнее утро, кто почувствовал себя мужчиной. У них восстанавливается репродуктивная функция. Значит, и этот этап пройден.

– Но он только пятый, – возразил его коллега, сотрудник лаборатории.

– Подожди. Сейчас поступят сообщения и о других. Крайний срок – завтра.

– Тогда мы станем свидетелями игры «знакомства с медсестрами», – усмехнулся коллега.

– Да. А главврачу придется выдавать очередную байку об их состоянии и процессе лечения.

– Это еще цветочки.

– За ягодками дело не станет.

– ...Ну вот, сердечко у вас работает как часы! И давление нормальное. Как печень, не беспокоит? А легкие? Дышите свободно? Вчера вы первый раз пробежали три километра без перерывов. В груди не колет?

– Нет. Икры немного болят.

– Это вполне понятно. Такая нагрузка после огромного перерыва. Вы, наверное, лет сорок не бегали?

– Двадцать семь. Я до шестидесяти пяти занимался. А потом...

– Ясно. Ваши показатели просто замечательны! Бег, плавание, гимнастика! Завтра можете начинать упражнения с утяжелением. Гантели, штанга. Правда, веса малые, но ведь это только начало, да?!

Голос дежурного врача был весел и бодр. И сам врач излучал радость. Вполне понятную. Его пациент не только вышел из кризиса, не только вылечил застарелые болезни, но и день ото дня набирает форму.

В отличие от него Титов радости не излучал. Хотя должен был. Просто обязан. Ибо произошло чудо – он, умирающий древний старик, развалина, вдруг ожил и помолодел. Тут петь

и плясать надо и благодарить врачей и владельцев пансионата за то, что буквально вернули к жизни.

Надо. Но Титов не пел. И не благодарил.

Каждое утро, глядя в зеркало, он видел изменения во внешнем виде. Практически пропали морщины. Новые волосы уже покрыли голову ровным черным «ежи́ком». Дряблая кожа стала упругой, налитой соками. Мышцы, бывшие недавно как тряпки, вдруг набухли, сгорбленная спина распрямилась, плечи расправились.

Местные эскулапы что-то сделали с его метаболизмом, сердечнососудистой системой, костями, да вообще со всеми органами. Ибо Титов еще вчера вдруг понял, что здоров. Совсем. И следы тяжелого ранения пропали. Сейчас его тело напоминало еще слабый, еще вялый, но готовый к работе механизм.

Нет, ребята, тут что-то не так! Какая бы ни была продвинутая медицина в начале двадцать первого века, какие бы чудо-препараты не придумали, какие бы процедуры не создали, нет таких лекарств, способных вернуть человеку молодость. Ну пусть пока не молодость, но все же. Из зеркала на Титова смотрел здоровый мужик лет пятидесяти.

До сих пор Титов не спешил с выводами, да и вообще не забивал голову такими вопросами. Наслаждался здоровьем и прилежно выполнял все указания врачей. Но сегодня он позволил себе задуматься.

Повод был прост до смешного и банален до жути. Сегодня генерал вдруг обратил внимание на свою медсестру. На Тоню.

Вообще-то она не Тоня. Титов неделю назад позвал ее, что-то надо было, а девушка отозвалась не сразу. Мелочь, ерунда. Но генерал-контрразведчик отметил эту заминку. Не тогда отметил, а сегодня. Вспомнил, проанализировал. А вот вывод сделать не смог. Слишком мало исходных данных.

Да, а на Тоню он сегодня посмотрел вполне определенно. Ибо эта чертовка оказалась хороша собой. Глаза серые, волосы светлые, черты лица тонкие, правильные. Грудь высокая, шея тонкая, ноги стройные, талия узкая. Конфетка.

И вот эта конфетка сегодня вдруг взволновала генерала. Когда, чуть изогнувшись, ставила на стол поднос с завтраком, когда присела рядом, а короткий халатик обнажил бедра. И почувствовал Титов, что просто хочет ее.

А потом почувствовал, что его организм среагировал на девчонку, как в молодости. Это стало последней каплей.

Если его тело восстановилось до такой степени, что способно реагировать на женщин, то... То этот пансионат со всеми врачами, медсестрами, аппаратурой и прочим – далеко не простое учреждение. Очень не простое.

У генерала вдруг заработали старые рефлексy: узнать неизвестное, добыть информацию, отыскать ответ на вопрос.

Мозг, получивший изрядную подпитку, заработал на всю катушку. Пошел вскачь, как рысак после долгого простоя.

Других пациентов пансионата он видел каждый день. Со всеми успел познакомиться. Кое с кем поговорить. Но это были разговоры на общие темы. Вспоминали прошлое, болтали ни о чем. Пожалуй, начать поиск истины следовало с расспросов ветеранов.

– Знаете, что-то челюсть ломит. И десны как горят. Последние зубы шатаются. Их всего-то три родных, – жаловался врачу Виктор Анатольевич Баскаков. Когда-то браваый десантник, а сейчас восьмидесятисемилетний старик.

Хотя уже и не старик. Прогулки, физические нагрузки, многочисленные процедуры вроде бы вернули ему здоровье и силы. Но вот с утра как назло заболели зубы и челюсть. Неприятное дело.

– Понятно, – протянул молодой врач. – А как общее самочувствие? Не знобит, голова не кружится?

Баскаков помолчал, прислушиваясь к ощущениям, неуверенно проговорил:

– Да черт его знает! Испарина была. И какая-то слабость. Словно и впрямь температура. Заболел, что ли?

Врач скосил взгляд на экран компьютера, где высвечивались диаграммы состояния подопечного, и с некоторым трудом скрыл улыбку.

– Это ваш организм привыкает к новому состоянию, Виктор Анатольевич. Реагирует на вмешательство.

– А-а... А я думал... Значит, ничего страшного?

– Абсолютно! На сегодня мы снизим нагрузки. Ограничимся прогулкой и массажем.

– Эх, жаль! – огорчился ветеран. – Мы с соседями хотели в волейбольчик поиграть. Как раз две команды собрались по четыре человека.

– Побудьте сегодня зрителем, Виктор Анатольевич. Хотя, думаю, и ваши товарищи сегодня не станут играть. Мы понаблюдаем за вами. На процедурах сделаем пару уколов, и все будет в норме.

– Ну, спасибо, Кирилл Валерьевич, – сердечно поблагодарил Баскаков.

Врач добродушно улыбнулся.

– Ну что вы. Это наша работа, наш долг...

Проводив пациента, Кирилл Валерьевич сделал пометку в файле и сверился с индивидуальным графиком лечения Баскакова. Пятнадцатый день – точка второго кризиса. Сегодня и завтра пациентам будет не очень легко. А после этого нелегко станет врачам. Совсем нелегко...

Врач оказался прав, в волейбол сегодня никто не играл. Ветераны чувствовали себя не лучшим образом – болели головы, челюсти, зубы (у кого остались), крутила температура. Немного отвыкнув от недомоганий, они поспешили к врачам. Но те быстро успокоили пациентов и отправили их на процедуры. Все вроде уюмонились.

Уснул Баскаков с некоторым трудом – челюсть и зубы болели, а температура толком не спадала. И врачи почему-то не спешили ее сбивать.

Но все же уснул. А проснулся рано утром от того, что язык перекатывал во рту что-то небольшое и твердое. Баскаков поспешно выплюнул это «что-то» в ладонь, включил бра и рассмотрел «добычу».

– Твою мать! – вырвалось у него. – Что за?...

На ладони лежали его зубы. Последние три. Они росли на верхней десне, вместо остальных были протезы, поставленные лет десять назад.

Баскаков тронул пальцем протезы. Те вполне ощутимо шатались. Десна распухла и болела. Нижний ряд зубов заменял вакуумный протез. Сейчас он лежал в стаканчике с водой. Но нижняя десна тоже распухла и тоже болела.

Баскаков провел по ней языком и вдруг ощутил легкий укол. Попробовал на ощупь отыскать, что там колется. Подушка указательного пальца нащупала едва заметный твердый выступ.

Несколько секунд Баскаков соображал, что бы это могло быть. А потом резво вскочил и почти побежал в ванную. Подошел вплотную к зеркалу и широко раскрыл рот.

Сперва не поверил глазам. Опять потрогал пальцем. И опять посмотрел. Слева, на месте бывшей «четверки» проклюнулся... зуб. Новый зуб!

Последующий пятиминутный осмотр помог обнаружить еще один зуб. Тоже едва вылезший из десны. Баскаков не верил своим глазам, но факт оставался фактом – у него росли зубы. Новые, свои... Как это понять?

Ветеран лег в кровать и задумался. Боль в десне и температура его больше не волновали. Нормальное состояние при росте зубов. Видел такое у своего сына, когда тому месяцев семь было. Только никогда не думал, что это будет происходить с ним.

Бывший начальник штаба воздушно-десантной дивизии анализировать информацию умел. Давно, правда, это было, но старые навыки, когда надо, очень быстро вспоминались. А сейчас, пожалуй, что надо. Очень.

И полковник в отставке, закинув руки за голову, начал думать. Вспоминать, сопоставлять, анализировать.

Он был четвертым, кто сейчас занимался этим. Четвертый пациент, начавший соображать, что далеко не все в пансионате ясно и понятно. Или, что вернее – не все ясно и понятно пациентам.

«Здесь собраны ветераны войны. Войсковые разведчики, десантники, морские пехотинцы. Есть пограничники, контрразведчики, бойцы ОМСБОНа... Ни одного тыловики, артиллерииста, летчика. Как минимум половина – офицеры. Совпадение? Сомнительно...»

Титов уже давно не верил в столь странные случайности. Еще со времен службы. Случай – это единственное исключение, как встреча двух однополчан в заштатном гарнизоне тридцать лет спустя после войны. Это падение сосульки на голову прохожему. Но когда в одном месте, вдалеке от глаз собирают полтора десятка ветеранов, за плечами которых война, пройденная «от» и «до», это случаем не назовешь.

«И у всех нет близких родственников. Троюродные там, пятиуродные. У одного вроде как двоюродный брат есть. Но живет во Владивостоке. Считай, как и нет. И если что – никто концов не найдет. Еще одна „случайность“...»

Генерал вспомнил, как к нему пришла та парочка из фонда и предлагала лечение в пансионате. Они мягко, правда, но постарались выяснить, есть ли у него близкая родня. Ради чего? Нужны квартиры ветеранов? Непохоже. Титов успел убедиться, что медицинское оборудование в пансионате, коттеджи и техника стоят столько, что никакими квартирами не окупить.

«Нет, здесь что-то другое. Пожалуй, плясать надо от нашего прошлого. От войны...»

На этом все логические выкладки генерала заканчивались. Ибо представить, для чего нужны полтора десятка стариков, пусть и бравых вояк в прошлом, он не мог.

Делиться опытом? С кем и как? Им не задали ни одного вопроса о прошлом. Не просили рассказать, вспомнить. Месть немцев победителям? Ну это из разряда шизофренических бредней.

На органы стариков не пустить. А вылечить и омолодить ради этого – себе в убыток. Проще молодых наловить, даже бомжей. Нет, все это ерунда!

Генерал недовольно хмурил брови. Все его изыски позволили собрать интересные сведения и вычислить определенную закономерность. Но не дали ответа ни на один вопрос.

Между прочим, кое-кто из ветеранов тоже ломает голову над происходящим. Титов успел общаться почти со всеми. Конечно, в лоб не спрашивал. Заводил разговоры о прошлом, о жизни, о политике, о прошлой работе.

Ветераны на контакт шли охотно. Вспоминали, шутили, смеялись, спорили. Но кое-кто, поняв, куда клонит Титов, высказывали схожие мысли.

Догадливыми оказались люди, служившие в армии много лет. Кстати, Титов среди пациентов насчитал аж двух полковников, по одному подполковнику, и майору, и капитану. Эти думать умели и соображали быстро.

Всех изумлял курс лечения и особенно его результаты. Выздоровление, избавление от многолетних болячек, от серьезных увечий и травм, даже от инвалидности. Как тут не вспомнить о чуде?!

Ветераны, кто со смехом, кто со смущением, говорили, что уже поглядывают на своих медсестер со скрытым вождением. Чего с ними не случилось лет эдак двадцать-тридцать.

Кстати, вот еще один вопрос. Почему у каждого пациента молодая привлекательная медсестра? Откуда набрали столько красавиц, готовых круглосуточно ухаживать за немощными дряхлыми старцами, буквально с ложки их кормить и «утку» выносить? Чем завлекли сюда девочек?

А ведь все ветераны в один голос отмечали – девчонки хороши и выглядят как модели. Или те, кто приглашал этих красоток, знали, что старики в процессе лечения таковыми быть перестанут? Им вернут не только волосы и здоровые органы, но и иные способности.

И потом, положила руку на сердце, разве можно поверить, что это простой пансионат для ветеранов, у которых и денег-то на обычные лекарства зачастую нет? Что любой пенсионер может попасть в такое заведение хотя бы на недельку?

По идее Титов должен был испытывать чувство опасности, даже страха. Ведь они явно попали в серьезную переделку. Но страха почему-то не было. Совсем. Ни его дежурный врач Миша, ни медсестра Тоня, ни другие специалисты опасения не вызывали. Не похожи они были на злодеев или злоумышленников. А похожи на обычных медиков. Настоящих врачей, для которых клятва Гиппократ не пустой звук. И совесть, и честь есть. И профессионализм.

Неопределенность злила Титова, а ситуация требовала немедленного прояснения. Но он не спешил. Стыдно сказать – боялся, что курс лечения будет прерван. А ему так хотелось помолодеть еще немного.

Те, кто говорит, будто старики ждут смерти – врут! Старики уже не так ее страшатся. Но умирать не хочет никто! Никто!

Он все думал, когда и как стоит задать вопросы руководству пансионата, чтобы быть уверенным что получит на них ответы, хотя бы похожие на правду. И что из этого может выйти.

Для себя Титов определил крайний срок, подгадав его к субботе, когда обычно главврач делает обход. Так он прикидывал. Но события следующих суток и ночи в корне изменили его намерения.

7

Утро началось с пятиминутного стояния у зеркала. Это становилось традицией – отслеживать изменения, произошедшие за последний день. Организм молодец с такой скоростью, что процесс был замечен невооруженным взглядом.

Сейчас Титов пересчитывал новые зубы. К пяти вчерашним добавились еще восемь. И столько же готовы вылезти буквально к ночи. Есть таким щербатым ртом не очень удобно, благо кормят сейчас ветеранов кашами, паштетами и поят витаминизированными соками.

– Доброе утро! – привычно пропел ласковый голосок, когда генерал выходил из ванной.

Тоня, свеженькая, чистенькая, в белом, без единой складочки халатике стояла у дверей и лучезарно улыбалась. Пилотка на голове чуть сдвинута набок, две пуговицы халата расстегнуты, являя взору вершины изумительной формы полушарий. Глазки блестят, но вот взгляд внимательный, изучающий.

«Все верно, девочка, я сегодня не такой, как вчера. „Ежик“ волос полностью скрыл череп, морщин на лице как и не бывало, осанка как у спортсмена. И не девяносто два мне сейчас, а на вид лет сорок пять. Только отчего ты, красавица, не удивляешься? Не ахаешь, не выпрашиваешь, как я достиг такого? И другие сестры своих пациентов не допытывают. Если местные хозяева и хотели как можно дольше сохранить все в тайне, то им следовало лучше подготовить легенду. А раз не сделали, значит, у них другие планы...»

– Здравствуй, милая! – весело ответил Титов, забрасывая полотенце на плечо. – Ты как всегда неотразима!

– Что вы, Илья Дмитриевич! – чуть порозовела Тоня. – Скажете тоже!..

– Скажу! Белый цвет тебе очень идет. Прямо невеста!

Тоня довольно улыбнулась и отвела взгляд в сторону. Раньше пациент таких слов не говорил. Впрочем, раньше все было иначе.

– Как вы себя чувствуете, Илья Дмитриевич? – перевела она разговор на другую тему.

– Как младенец, – хохотнул Титов. – Зубы режутся. Вот только реветь по этому поводу не буду.

– Завтрак готов.

– Это радует. Составишь мне компанию?

– Зачем? – удивилась девушка.

– Ну как? Завтрак в обществе красивой девушки – это просто замечательно!

– Но... у нас это не принято... – растерялась Тоня.

– Брось! Считаю, что ты выполняешь процедуру. Повышаешь мне настроение. Ведь мое психологическое состояние – твоя забота?

– Да.

– Ну вот! Занимайся своими прямыми обязанностями. Чем сегодня кормят ветерана?

– Гречневая каша, яблочное пюре и апельсиновый сок.

– Прекрасно. Не знаю, как ты насчет каши, но от сока точно не откажешься, а?

Девушка только кивнула. Напор и тон пациента были столь непривычны, что она не сумела быстро отреагировать на изменение в его поведении. В конце концов, ничего особенного он не предложил, просто позавтракать вместе. Впрочем... возможно, это только первый шаг. Что он предложит потом?

Потом была утренняя пробежка – два километра, процедуры, занявшие два часа, и получасовое лежание под облучением. Облучали голову. Титов лежал на широком низком столе,

лицо закрыто черным шлемом из какого-то тепловатого на ощупь металла. С боков и сверху закреплены зеркальные полусферы.

Генерал не ощущал ничего. Ни тепла, ни холода, ни покалывания. Но зато буквально видел, как невидимые потоки излучения пронзают мозг. Зачем? Для чего? Что это дает? Молодость, силу, ловкость, желание женщины?

«Мы все играем в молчанку, – думал он. – Старики в основном молчат, потому что не хотят, чтобы закончилась эта сказка. Не хотят опять стать древними развалинами. А врачам не нужно раньше времени раскрывать карты. Молчание обоюдно выгодно. По крайней мере было. Но послезавтра я взорву эту тихую заводь. И надо поговорить с остальными. Чтобы раньше времени никто не вылез. Стоит согласовать действия...»

– Каким видом спорта вы занимались раньше, Илья Дмитриевич?

– Каки-им?... Да черт его знает! Все помаленьку. Когда молодым был война шла. Тогда много стреляли, дрались. Брали вражеских агентов.

– В плен?

– Ну да. От нас требовали, чтобы мы брали их живыми. Иногда – невредимыми. Ну а как выходило... Бывало по всякому. Нас тренировали задержаниям, захватам, нападению и защите. Еще бегали, плавали.

– То есть у вас была хорошая боевая подготовка?

– Верно, была. Но в бою много решали не приемы и даже не меткая стрельба. А знание психологии противника, умение грамотно организовать засаду, понимание сути происходящего, тактика... Если все правильно рассчитать, учесть все мелочи, то захват проходил быстро и без шума.

* * *

Разговор проходил в малом спортивном комплексе пансионата. Здесь был оборудован зал для различных видов борьбы. В одном углу ринг, в противоположном – борцовский круг. В центре висела шеренга мешков, у стен макивары, груши. Ближе к входу две беговые дорожки.

Три огромных окна свободно пропускали солнечный свет, система кондиционирования снабжала помещение чистым воздухом. Такой зал мечтают иметь многие спортивные секции. Но вот зачем такой в пансионате для древних стариков? Или здесь не всегда старики отдыхают?

Титова привели сюда двадцать минут назад. Его ждали два врача, инструктор зала и его помощник. В углу стояли два медицинских аппарата, тут же был пульт управления сложной системой контроля. Похоже, сегодня ветерану приготовили нечто особенное.

– Вы, видимо, были мастером своего дела! – спросил инструктор Борис. – И побеждали своих врагов?

Титов усмехнулся. Взрослый вроде мужик, а задает детские вопросы.

– Побеждал, конечно, раз живой. Только не всегда. Немецкие агенты были парнями крепкими. И тренировали их хорошо, и дело свое знали. А еще знали, что идут на смерть. И что пощады в случае чего не будет. Спротивлялись до последнего. Кстати, подавляющее большинство агентов – русские. Ну, то есть были и белорусы, украинцы, прибалты, казахи, калмыки, ингуши. Всех их все равно называли русскими. Сволочи порядочные, но волки матерые.

– И все же вы их побеждали? – повторил вопрос инструктор.

– Мы чаще, – уточнил генерал. – Хотя наших полегло немало.

Инструктор удовлетворенно кивнул.

– Илья Дмитриевич, – обратился к генералу один из врачей – высокий сухощавый молодой человек с кустистыми бровями и глазами удивительного фиолетового оттенка. Звали этого

парня Семен Иванович. – Сегодня вы пройдете один тест. Спортивный. Мы проверим ваше функциональное состояние и способность переносить повышенные нагрузки, а так же реакцию организма на них. Судя по вашим словам, вы больше занимались динамическими, аэробными видами... э-э... тренировок. Их и используем в качестве проверки. А потом немного силовой нагрузки.

– И что мне делать? – осведомился Титов.

– Борис все расскажет и покажет. Пока давайте подсоединим датчики.

Генерал уже привычно скинул футболку и развел руки. Процесс «подсоединения» правильнее было бы назвать «облепливанием». Ибо количество датчиков зашкаливало за тридцать. Размером с копеечную монетку, тонкие, как целлофановая пленка, полупрозрачные, они щедро усеивали грудь, спину, ноги, затылок, внутренние и внешние стороны рук, плечи, запястья.

Обработав верхнюю часть тела, второй врач Давид – тоже рослый, плечистый молодец с квадратным подбородком и добродушной улыбкой – перешел к ногам. Нашлепал датчики на колени, икры, голеностоп, переднюю часть бедра. Последний прикрепил на лоб. И стал Титов похож на индийца из кино.

Семен уже сидел за столом и отслеживал показания датчиков.

– Мы готовы. Борис?

Инструктор кивнул и подозвал Титова к большому мешку, висевшему в центре зала.

– Илья Дмитриевич, пожалуйста, попробуйте поработать на мешке.

– Как? Побить его, что ли?

– Именно.

– Но я, собственно, сколько уже лет не пробовал. Забыл все.

– Ничего, – успокоил Борис. – Бейте как хотите. Не во всю силу, не очень быстро. Хоть руками, хоть ногами. Мешок мягкий, руки не травмируете. Вот, наденьте накладки.

Инструктор протянул Титову пару боксерских накладок, именуемых еще «блинчиками». Легкие, тонкие, они отлично защищали кожу и костяшки пальцев. Только эти накладки были немного модернизированы. Широкая лента закрывала все запястье, страхуя его от вывиха.

Титов хмыкнул и стал натягивать накладки. С непривычки это выходило плохо. Борис с готовностью помог, проверил, как сидит внутри кисть, затянул ленту и прихлопнул липучку застежки.

– Готово! Можете начинать. На нас не обращайтесь внимания, не стесняйтесь.

Титов бросил взгляд на врачей и инструкторов, озадаченно сдвинул брови. Стесняться в таких делах его отучили еще в юности.

Он подошел к мешку, потрогал. Действительно, мягкий. Черная кожа покрытия приятно холодила открытые пальцы.

Бить? Как там бить-то? Эх, вспомнить бы еще!..

Титов закрыл глаза, пытаясь воскресить в памяти тренировки и занятия. Сперва в учебной части, потом в училище, потом на заставе.

Сначала его учили по системе «самоз»,² потом, уже на границе преподавали приемы системы Ознобишина. А кроме того, были уроки бокса, штыкового боя, боя на ножах. Уже после выздоровления, когда он служил в армейской контрразведке, их знакомили с методикой Харлампиева.

² Одно из названий системы рукопашного боя В.А. Спиридонова, позже названной «Самбо» (не путать с «самбо» Ощепкова В.С. и Харлампиева А.А.)

Тогда это был жестко закрепленный, многократно проверенный в деле, вбитый насмерть под корку сознания навык. Но сейчас, спустя почти шестьдесят лет почти все забылось, растаяло, ушло в небытие. И воскресить очень сложно. Но раз надо...

Титов открыл глаза, глянул по сторонам. Врачи и инструктора стояли молча, не мешая, не торопя. Понимали, как сложно вспомнить ветерану давно забытое.

Он шагнул к мешку, толкнул его левой рукой. Еще раз. Мешок послушно закачался, поскрипывая креплением. Первый удар вышел тычковым. Титов не очень крепко сжал кулак и кинул руку вперед. Даже не повернув корпус, не сработав ногами. Так толкают слегка заевшую дверь. Мешок опять отлетел, не сильно, конечно.

«Двойка, – воскресло в голове. – Два удара. А еще есть тройки, серии. Ну да, его любимая связка – два прямых в челюсть и ногой в колено!»

Как-то перед войной он так вырубил какого-то хмыря, решившего поиграть ножичком в очереди за пивом. Хмырь оказался то ли блатным, то ли просто дураком. Вопил громко и противно. А потом ныл в милиции, что ничего такого не хотел и лишь баловался. Но ударил тогда Титов хорошо.

Генерал чуть повернул корпус вправо, отставил назад правую ногу, подождал, пока мешок пойдет обратно, поймал момент и отработал серию – левой прямой, правой прямой и вдогонку правой ногой тоже прямой.

Удары вышли несильными, вялыми, нога едва задела отлетающий мешок и соскользнула с него. Титову пришлось делать подшаг, чтобы устоять.

Он про себя ругнулся – решил на старости лет показать удаль молодецкую!

Остановил мешок и повторил серию еще раз. Чуть лучше, но так же вяло. Нет силы в руках и ногах, нет резвости. Занятия в пансионе несколько оживили мышцы и связки, вернули тонус, но вот вернуть былую форму не в силах. Тут нужны недели и месяцы настоящих занятий, график, грамотный инструктор. И здоровье нужно! Причем здоровье молодого парня. Это лет до пятидесяти можно скакать, как хочешь. А потом уже трудновато, тем более после такого перерыва.

Сердясь на себя непонятно за что, Титов еще с минуту бил и пинал мешок, вспоминая былое умение. Удары руками прямые, боковые, секущие, снизу, наотмашь, по челюсти, шее, виску, затылку, животу, солнечному сплетению, хребту. Удары ногами – в пах, живот, колено и голень. Захваты, броски, удушающие на мешке не сделать, да и забыл он как именно.

Напоследок оттолкнув мешок локтем, отошел в сторону и, вытирая вспотевший лоб, повернулся к Борису.

– Хватит с меня! И так как бодливый бычок!

Вопреки его опасениям Борис смотрел вполне серьезно, без снисходительной улыбки. А Семен и вовсе выглядел довольным.

– Так-так. Сердце, легкие, почки, печень – все в норме. Пульс учащенный, ровный. Дыхание почти не сбито. Да вы в хорошей форме, Илья Дмитриевич! Напрасно на себя наговариваете!

Титов стащил накладку, бросил их на стол.

– Это все?

– Нет-нет, что вы?! Это была разминка! Так сказать предисловие! А сейчас перейдем к делу. Прощу в кресло.

Семен указал на стоящее у стены сооружение, скромно обозвав его «креслом». Скорее это была колыбель – широкая, сделанная по форме человеческого тела, с небольшими подлокотниками, с подголовником. Да еще с изменяемой формой и углом наклона.

Давид помог Титову залезть в него, проверил, чтобы пациенту было удобно, нажатием кнопок на боковой панели изменил угол наклона подголовника, перевел кресло в полулежачее положение.

– Так удобно? Нигде не жмет, не тянет? Ничего не мешает?

– Нормально, – ответил Титов.

В кресле и впрямь было хорошо. От покрытия шло тепло, все мышцы сами собой расслабились, голова удобно сидела в подголовнике.

– Пожалуйста, наденьте. – Давид подал шлем с черным забралом. Насколько Титов помнил, эта конструкция была напичкана датчиками, как булка изюмом.

Шлем разом отрезал генерала от внешнего мира. Непрозрачное забрало закрыло лицо, мягкие наушники устранили все звуки. Но ненадолго.

– Илья Дмитриевич, вы меня хорошо слышите? – раздался в наушниках негромкий голос Семена. – Если да, поднимите правую руку.

Титов молча поднял руку.

– Хорошо. Илья Дмитриевич, сейчас мы проведем специальный сеанс идеомоторно-волевого тренинга. Цель тренинга – помочь вашей памяти воскресить обстановку прошлого, а конкретно – войны. И позволить мозгу включить те участки, которые отвечают за накопление информации на подсознательном уровне. Иначе говоря, вы ощутите себя в прошлом. Это полное погружение сознания в те времена. Таким образом, вы сможете оживить состояние схватки и навык владения оружием и приемами боя. Вы меня понимаете?

– Не очень. Но это не важно. Я готов.

Генералу даже стало интересно. Что такое они выдумали, что смогут вернуть ему прошлое, пусть даже только в памяти? Опять фокусы с гипнозом, психокодированием, ней... как его? – нейролинг... вистическим программированием? Черт, напридумывали слов, язык сложить можно!

– Если готовы, поднимите правую руку!

Титов поднял, и на него опять навалилась тишина.

В этот момент Семен и Давид вводили управляющую программу и две записи – аудио и видео. Потом проверили контроль состояния пациента. А инструкторы при помощи системы управления готовили зал. Скользили по направляющим манекены – копии человека в полный рост в разных положениях, с оружием и без. Оружие, конечно, учебное, но полностью сохраняющее внешний вид прототипа.

Жалюзи наглухо закрывали окна. На стенах и потолке включались разноцветные светильники. Под потолком и у стен застыли запасные манекены. Они вступят в дело по необходимости.

Все было готово для тренинга. Теперь надо подготовить пациента.

* * *

– Начинаем, – мягко проговорил в наушниках голос Семена. После небольшой паузы он стал наговаривать текст:

– ...Полное расслабление... Ощущение покоя и легкости... Ваши мышцы расслабляются... Дыхание ровное, глубокое, медленное... Веки тяжелеют... Руки и ноги теряют опору и повисают в воздухе... Вдоль позвоночника от шеи к пояснице проходит волна мягкого приятного тепла...

Легкая вибрация у висков, видимо, была вызвана работой датчиков. Титов подумал об этом и сразу забыл. Тягучий успокаивающий голос врача заставлял следовать его указаниям.

Генерал послушно расслаблялся, парил, уходя в состояние полудремы. Голос шел как бы изда- лека. Он нашептывал слова и помогал устоять на краю пропасти, не улететь в сон. А вибрация еще какое-то время приятно тревожила виски, руки и ноги, грудь.

– Ваша память расположена на вершине высокой пирамиды. Это огромное хранилище знаний. Вы помните все, что когда-либо выдели, слышали, делали... Это сияющая высота манит вас... притягивает... Вы идете по длинной лестнице вверх, легко и уверенно... легко и уверенно... поднимаясь к вершине... Огромный сияющий шар перед вами... Вы протягиваете руку и дотрагиваетесь до него. Вы с легкостью вспоминаете то, что хотели бы увидеть. Ваше детство, юность, молодость... Ваших друзей... ваш дом... улицу... город... Вы видите все как наяву. Это ваша память, и она исправно служит вам, помогая вспомнить то, что вы хотите...

Дом, улица, друзья... Он это видел. Видел мать, отца, младшую сестру... Видел речку и пляж, где они с пацанами играли в салки, а потом ныряли с мостков в воду... Видел директора школы, видел себя на выпускном, на заставе...

Воспоминания бежали перед ним чередой, всплывали такие подробности, о которых он давно забыл. И промах на первых стрельбах, и разбитый нос у танцплощадки, и списанную контрольную в училище. И первую девчонку, поцелованную украдкой в подъезде.

А потом пошли другие воспоминания. Первый бой, отступление, служба в контрразведке. И как только этот пласт памяти встал перед глазами, картинка побежала медленнее, отдельные фрагменты стали четче.

Сшибка в лесу, бой в освобожденном городке, захват первых агентов. Жесткая стычка с дезертирами в тылу дивизии, куда они следовали для проведения дознания. Смерть друга Жорки в сорок втором, в глубоком тылу, почти у самой Москвы. На крохотном железнодорожном разъезде, где стрелочником работал немецкий агент. Эта тварь засела в будке и отстреливалась из двух пистолетов. Был приказ – брать живым! И Жорка пошел первым, через дверь, отвлекая на себя внимание агента и принимая все пули...

Его потом хоронили в закрытом гробу, ибо лица, как такового, не было. Агент выпустил почти два магазина в Жорку и изувечил того до неузнаваемости.

А Титов, тогда старший лейтенант, в ярости отбил ему почки и сломал руку. За что получил строгий выговор, разнос начальства и двое суток ареста.

Агента расстреляли через неделю – он наотрез отказался работать на контрразведку и поносил всех отборным матом.

А еще через неделю Титов, один, на ночных улицах райцентра задержал двух немецких диверсантов. Бой шел всего девять секунд. Диверсанты, видимо, от неожиданности и ураганного натиска невесть откуда взявшегося офицера даже не успели достать оружие. Один только вытащил нож. И тут же его потерял.

Спустя двадцать минут Титов, счастливый, уставший, в перепачканной форме, с расплосованным рукавом, сквозь который проступала кровь, сидел в кабинете начальника управления контрразведки фронта и слушал дифирамбы, что пел ему генерал...

Голос в наушниках вдруг исчез, а картинка того боя встала перед глазами. Словно в кино остановили кадр. И тут зазвучал иной голос. Более низкий, жесткий, властный.

А еще зазвучала музыка. Ритмичная, быстрая, тревожная. Заставляющая быстрее работать сердце и чаще вздыматься грудь.

И замелькали перед глазами всполохи. Как взрывы снарядов ночью и просверки трассиров...

– ...Ночная улица!.. Неяркий свет луны разгоняет темень!.. Вы идете один по этой улице. Слышите шелест листьев, свист ветра и приглушенный звук шагов!..

Титов слышал и видел все, о чем говорил голос. Внутренняя поверхность забрала вдруг превратилась в экран.

– ...Двое незнакомцев в форме выходят к дороге!.. Вы выпрыгиваете из кустов и начинаете бой! Бой!..

И Титов начинает работать!..

Прыжок к ближнему, что стоит вполоборота, держа левую руку в кармане. Удар под колено, захват левой рукой за рукав, рывок на себя, удар правым локтем в шею. Отшаг влево и назад, чтобы закрыться телом от второго. Тот быстро сует руку за пояс и вытаскивает нож.

Титов наносит еще один удар по уже обмякшему противнику, сбрасывает его вбок и уходит дальше влево. В неярком свете луны почему-то довольно отчетливо виден второй противник. Он стоит, разведя ноги пошире, наклонив вперед корпус и держа нож в отведенной правой руке.

«Стойка уркагана, а не бойца», – мелькает в голове.

А тело уже работает само. Шаг вперед, другой, сближение, выманивание. Противник угрожает, пугает, наконец, бьет, без замаха, снизу вверх, метя под пупок.

Отшаг влево и назад, отбив руки с ножом, второй удар по запястью. Противник взвыл, но нож удержал, отступил.

Шаг вперед, выманивание. Второй удар. Уже проще, без хитростей, на силу. Едва не попал! Жесткий отбив, второй, есть перехват!

Правая рука намертво зажала рукав! Тут же следует удар ногой по голени и с размаху локтем по локтевому сгибу руки врага! Хруст, вскрик... теперь выбить нож легче легкого. Загиб руки за спину. Опять хруст, опять вскрик, и обмякшее тело врага. Это Титов перебрал – крутить сломанную руку не стоило. Зато враг взят. Живым!

Как только эпизод был закончен, голос в наушниках зазвучал вновь.

– Ясный солнечный день. Вы идете по лесу. На краю оврага вы видите человека, сидящего спиной к вам. Перед ним рация. Рядом лежит пистолет-пулемет! Человек оборачивается, видит вас и тянет руку к оружию!..

Такое было! В сорок четвертом. Тогда войска НКВД чистили леса от немецких окруженцев и засевших в глуши полицаев.

Титов как-то лично выехал на место, где была засечена точка выхода в эфир незнакомой рации. Группы работали каждая в своем районе, а он с помощником шел к деревне через рощицу. Шел по уже проверенному месту, спокойно, без опаски. И налетел на человека в советской военной форме без погон. Зато с рацией и немецким МП-40.

Когда незнакомец повернул к нему голову и потянул руку к оружию, Титов сработал на автомате. Мгновенно выхватил ТТ, прострелил человеку плечо и прыгнул вперед, вмяная его в землю. И крутя головой по сторонам – он мог быть не один.

Он и был не один, второй вылез из оврага через минуту, спешил на выстрелы. Увидев живописную картину, бросил котелок с водой и стал ругаться так, как Титов еще никогда не слышал.

Разобрались в управлении. Незнакомцы – сотрудники НКВД. Вели сеанс связи по сложной радиоигре. Работали под немецких агентов. Титов и начальник управления принесли свои извинения, помогли коллегам. А Титов получил выговор. Последний на войне...

Но это было тогда. А сейчас голос давал установку и требовал действий от Титова. И Титов действовал по обстановке.

Вторая задача, третья, пятая... Врачи отслеживали не только состояние Титова, но и работу его мозга. Работа шла бешеная. Затрачивалось такое количество энергии, такие объемы мозга, уходило такое количество нервных клеток, что пожилой человек, даже просто зрелый, мог и не выдержать. Психологический шок, невроз – самое малое из возможных последствий.

Но Титов держался. Его порог психологического восприятия был на пару порядков выше, чем у обычного человека. Тот, кто прошел войну и остался в уме и здравии, всегда имеет запас прочности.

После десятой задачи пошел этап ввода пациента в состояние критического уровня. Сейчас Титов, накачанный воспоминаниями, проработавший сшибки идеомоторно, должен показать, насколько его мозг вспомнил былой навык. И насколько тело подчинено подсознанию и способно работать в режиме критического напряжения.

– Вы выходите в большой зал!.. Полумрак сменяет яркий свет прожекторов! Внезапно перед вами возникают силуэты противников! Они вооружены! Они готовы напасть! Работайте!!³

Авторами системы «Беланг» разрабатывается идеомоторно-волевой тренинг курса одиночной подготовки бойца для ускорения адаптации военнослужащих и сотрудников к боевым условиям. Никаких сверхъестественных или экстрасенсорных приемов не используется, все вполне научно и просто.

Кресло уже возвращено в исходное положение, и Титов сидит в напряженной позе с немного наклоненным вперед корпусом и полусжатыми кулаками. Давид стоит позади, ждет сигнала. Когда Семен дает отмашку, Давид быстро снимает шлем с головы Титова и повторяет последнее слово установки:

– Работайте!

Титов моргнул и заметил в трех шагах слева от себя рослую фигуру. Человек в камуфляжной форме стоял в боксерской стойке. Генерал скользнул к нему, коротким движением отбил выставленную руку в сторону и ударил ногой в голень. И сразу провел двойку, целя в челюсть и горло. От последнего удара человек упал на пол.

А взгляд уже зацепил вторую фигуру. Справа, рядом с колонной. Полумрак сменился ярким светом, и Титов заметил еще три фигуры. Одна с ножом, остальные с автоматами. Разум еще не успел осознать увиденного, а тело само спряталось от автоматчика за ближнюю фигуру. Работаем!..

Со стороны это выглядело зрелищно. По залу, то быстро, то медленно, то короткими перебежками, то прыжками, перемещался высокий человек в спортивной форме. От шел от манекена к манекену. На каждого тратил несколько секунд. Если манекены стояли группой, работал чуть дольше. Падали искусственные тела, стучало о пол выбитое оружие, шелестел рассекаемый ударами воздух.

Экран пульта управления словно сошел с ума. Показания датчиков зашкаливали за все мыслимые пределы. Конечно, они-то были настроены на организм девятиностодухлетнего старца, пусть и «освеженного» до пятидесяти лет! А по залу летал молодой парень. Прекрасно тренированный, с отменными физическими данными и отличной боевой подготовкой.

³ Описанная методика идеомоторно-волевого тренинга (конечно, без шлемов, датчиков и прочей супертехники) существует на самом деле. Она является частью курсов системы «Беланг». А сама идеомоторная тренировка в различных режимах применяется во многих видах спорта для ускорения обучения, улучшения технического исполнения и вариативности сложных двигательных действий.

По крайней мере мозг и подсознание его были «настроены» на двадцать пять лет. Но самое удивительное – тело уверенно «держало» запредельный для него режим нагрузок. Не рвались мышцы и связки, не вылетали из суставов кости, а сердце исправно гнало по сосудам кровь. И качали адреналин надпочечники.

Потому что мозг и сознание «сказали» телу: «Нам двадцать пять». И организм это принял. Сработала «память» тела, память подсознания. И сейчас организм запустил программу вывода самого себя на указанный возраст.

* * *

Он работал еще минуту. Потом громкий голос сказал «Стоп!». И тут же дал другую команду:

– Ложись!

Он лег. Высоко вздымалась грудь, легкие жадно глотали воздух, руки и ноги еще трясло от избытка адреналина. В голове бухал колокол.

– Выравниваем дыхание!.. Спокойно!.. Дышим!.. Считаем каждый вдох и каждый выдох... И-и... раз!

На «и-и... сто двадцать» сердце перешло на нормальный режим – семьдесят ударов в минуту. Дыхание успокоилось, руки перестали дрожать.

– Дышим... дышим... легко и спокойно... дышим чистым горным воздухом... вдох... выдох... Уходим от всех воспоминаний... забот... тревог... Видим себя на лугу... летним солнечным днем... Мягкая трава, от земли идет тепло. Наступает полное расслабление...

Наступило...

Через полчаса, напичканный пилюлями и инъекциями, Титов уснул в ванне. А организм, получивший супервстряску, и мозг, напоминающий разворошенный муравейник, под воздействием препаратов и облучения, усиленно работали, воссоздавая тот облик и то состояние, которое было показано под влиянием тестирования.

Подведенные к телу, конечностям, к голове подушки вибромассажера мягко обрабатывали мышцы, разгоняя кровь по капиллярам и стимулируя рост мышечных волокон. Специальный раствор, циркулирующий в ванне, массировал кожу, снимая верхний микрослой. А под ним, под влиянием препаратов, вырастал другой. Новый. Сильный. Молодой...

Сейчас за Титовым, кроме Семена, Давида и Михаила, следили еще два врача. Сегодня за восьмью из четырнадцати пациентов, прошедших тестирование, усиленно наблюдали специалисты.

Наступал пиковый, переломный момент лечебного курса. Сегодня те, кто лег в ванну после тестирования, должны были выйти из нее другими людьми. Совсем другими.

Пока они об этом не знали. И одной из задач врачей было сделать так, чтобы, когда ветераны все поняли, их мозги и нервы не вскипели от перенапряжения и неспособности осознать происходящее.

Посему сейчас отдыхающие в ванной проходили еще один курс – психологической устойчивости. И он был не менее важен, чем другие.

8

Титов пришел в себя уже в постели. Лежал неподвижно с закрытыми глазами, пытаюсь вспомнить сперва сон, а потом то, что произошло днем.

Выходило не очень. События до посадки в кресло он помнил отчетливо. Спортзал, врачи, инструктор, мешки, которые он пинал без особого успеха. А потом сел в кресло... Нет, еще до этого его облепили датчиками. А уже в кресле насадили на голову шлем. И потом...

Тут память Титова немного сбоила. Перед глазами мелькали образы, картинки. Звенел чей-то голос. Да! Голос! Что-то вроде медитации, психологического сеанса. А что дальше?

Он вроде бы с кем-то дрался. Мысленно. Или наяву? Но когда сон перешел в явь? И что дальше? Он вроде лежал в ванной, принимал процедуры и был опять-таки в некоем полусне. Ничего себе денек! То дрыхнет, то руками машет. А что сейчас?

Титов открыл глаза, осмотрелся. Это его коттедж, его спальня. Судя по бившему в окно солнцу, еще день.

Прислушался к себе. Привычно отметил, что ничего не болит, не тянет, не ломит, не ноет. Хотя...

В теле ощущалась какая-то приятная, едва заметная истома. Как после хорошей тренировки, когда все мышцы отходят после нагрузки. И на душе было легко. Результат процедур?

Он встал, неожиданно легко и свободно. Даже вчера не испытывал такой легкости. Спать его уложили прямо в спортивных брюках, лишь торс был голым. Футболка висела на спинке стула, но Титов не стал ее надевать. Побрел в ванную. Мозг еще не отошел ото сна, и Титов решил умыться.

Сполоснул лицо и шею, разогнул спину, глянул в зеркало и замер. Взгляд прикипел к небольшому прямоугольнику.

Больше не было Титова Ильи Дмитриевича, дряхлого старика, доживающего последние дни. И того молоджавого мужчины лет сорока пяти – пятидесяти, каким он вдруг стал в последнюю неделю, тоже не было.

Сейчас из зеркала смотрел молодой парень, от силы лет двадцати пяти. Сейчас отсюда на генерала смотрел Илья Титов, старший лейтенант, бравый оперативник, ловкий, умелый, сильный. Молодой...

Молодой! Это было невозможно!

Титов отбросил полотенце и перевел взгляд на торс. Широкая грудь, развернутые плечи, мускулистые руки, плоский живот. Чистая, молодая кожа. Без шрамов! Ни единого шрама!

– Та-ак!... – прохрипел Титов. – Долечились!

Его изумление было столь велико, что он не испытывал ни радости, ни горечи, ничего.

– Какой, на хрен, пансионат для ветеранов! – проговорил вслух, продолжая рассматривать себя. – Какая, на хрен, реабилитация!

Он вышел в комнату, встал напротив окна. Мысли лихорадочно металась в голове. Изумление, шок, подспудная радость. Но ее глушило непонимание.

Что здесь происходит, черт побери?!

Титов вдруг резко присел, выпрыгнул, встал на прямые ноги, так же резко согнул корпус, достал ладонями до пола, сделал мах ногой. Стопа мелькнула перед глазами.

Тут же, не сходя с места, сделал стойку на руках. Отжался пять раз, вскочил. Несколько раз рубанул рукой воздух, слыша посвист рассекаемого воздуха.

Никакой боли, ничего не мешает. И дыхание ровное...

Генерал сел на кровать, запрокинул голову и уставился на потолок.

Дверь открылась, и на пороге возникла Тоня.

– Добрый вечер, Илья Дмитриевич, – пропела она, подходя ближе. – О-о! Вы прекрасно выглядите! Просто замечательно!

Титов опустил голову и посмотрел на медсестру мрачным взглядом.

– Тоня. Ты кого Ильей Дмитриевичем величаешь?

– Вас...

– Тоня, посмотри на меня.

– Смотрю, – послушно ответила медсестра.

– Как, по-твоему, курс лечения идет хорошо?

– Да! Прекрасно! Вы так изменились, помолодели!

– Помолодел... – усмехнулся Титов. – Ну и насколько я выгляжу?

– Я бы дала вам двадцать четыре – двадцать пять! Не больше!

– Не больше!.. Мне девяносто два, Тоня! Я дряхлый старик, развалина!

– Ну что вы, Илья Дмитриевич!

– По крайней мере я был таким еще две недели назад. А сейчас я пацан! Двадцатилетний щенок! Это и есть результат курса?

Тоня, до этого восторженно смотревшая на него, вдруг посерьезнела и ответила уже другим тоном:

– Это один из промежуточных результатов. Причем отличных результатов! Вы снова молоды, Илья Дмитриевич! Ваше тело сбросило семь десятков лет! Разве это плохо?

– А я еще не знаю, что плохо, а что хорошо, девочка. Я еще не осознал, что произошло. Я еще ничего не знаю.

– Ничего?

Титов скривил губы.

– Кроме одного. Ты больше не будешь величать меня Ильей Дмитриевичем.

Тоня подвинулась чуть ближе.

– А как мне вас называть?

– На «ты» и Илья.

Медсестра пару мгновений смотрела на него каким-то непонятным взглядом, потом покорно произнесла:

– Хорошо, Илья. Если вы... ты так хочешь.

– Хочу...

– Это все?

Подвох в ее голосе он уловил не сразу.

Она стояла почти вплотную к нему. Ее и без того коротковатый халатик довольно высоко обнажал стройные бедра. А в вырезе халата, расстегнутого уже на три пуговицы, видна высокая грудь.

Титов уже не первый день косился на нее, ощущая приятный холодок в позвоночнике и тепло в груди. Хороша дивчина, чего уж! Но раньше он не позволял фантазиям заходить очень далеко. А сейчас, не отойдя толком от шока, чувствуя, как в нем бурлит огромная сила, сдерживать себя не стал.

Он взял ее за руку и заставил сесть рядом с собой.

– У молодости есть одно преимущество, – хрипловатым голосом произнес он.

– Какое? – тихо спросила девушка.

– Она не только хочет, но и может!..

Было опасение, что девушка оттолкнет его или выразит протест иным способом. Но она не оттолкнула. Когда его рука обняла ее за талию и потянула, девушка подалась вперед,

послушно раскрыла губы для поцелуя и позволила уложить себя на кровать. И нависшего над ней Титова приняла покорно и даже с какой-то жадностью...

Все произошло как-то сумбурно и быстро. Титов настолько отвык от женщин, настолько прочно все забыл, что сейчас чувствовал себя как в первый раз. И даже подумал, что девушка упрекнет его в спешке и неумении.

И опять ошибся. Тоня довольно охнула, прильнула к его груди и начала сама целовать. Через десять минут они пошли на второй заход. И теперь Титов не спешил. Проснувшаяся память подсказала, что и как. И виноватым он себя больше не чувствовал...

Все предыдущие процедуры, лекарства и препараты подводили его к сегодняшнему дню. Все было просчитано и предусмотрено заранее. И пиковое значение восстановления достигнуто точно в срок. Сознание и тело были выведены на новый уровень. На уровень молодости.

Но завершить комплекс должна была одна процедура. Проверка потенции и мужской способности организма. После чего на уровне подсознания, на генетическом уровне, закрепилось это новое состояние.

И Титов с задачей справился. С помощью Тони.

Она ушла через час. Сказала, что есть дела, и ускользнула. Сперва в ванную, потом из коттеджа. А Титов так и лежал на кровати. Уставший и довольный. Уже свыкнувшийся с новой реальностью и с молодым телом.

Перед ее уходом он спросил:

– Я могу увидеть главного врача?

– Сейчас? – удивилась Тоня.

– Да.

– Но уже восьмой час!

– И все же.

Медсестра помедлила и сказала, что можно.

– Я скажу, тебя позовут.

– Спасибо. Тоня!

– А?

Титов повернулся на бок, хлопнул рукой по простыне.

– У нас кое-что изменилось, да?

– Кое-что, – с улыбкой подтвердила та.

– И не только это.

– И что еще? – изогнула она бровь.

– А то, что с этого вечера ты спишь в этой кровати.

Медсестра одарила его веселым взглядом и с кокетством произнесла:

– Посмотрим.

– Иди.

Собираясь к главврачу, Титов вдруг обнаружил, что хозяева пансионата упустили из виду одну мелочь. А именно не успели или позабыли сменить гардероб внезапно помолодевших пациентов. И сейчас в шкафу спальни лежали и висели вещи, которые совершенно не налазили на молодого здоровяка. И ширина плеч иная, и объем груди, и рост. Вот казус!

Титов кое-как натянул на себя серую футболку от костюма для пробежек. Благо брюки подошли, хотя и сидели почти в обтяжку. Видок, конечно, комичный. Как гимнаст.

Эта промашка вдруг привела генерала в хорошее состояние. Давивший на плечи груз неизвестности и непонимания спал, стало легче на душе. Не зря говорят: смех – лучшее лекарство от стресса.

Идти никуда не пришлось. Когда Титов уже хотел покинуть коттедж, на пороге вдруг возник главный врач собственной персоной.

– Добрый вечер, Илья Дмитриевич! – произнес тот, входя в коридор. – Я получил сообщение о вашей просьбе и решил сам навестить вас. Не возражаете?

– Да нет... – протянул несколько растерянный Титов, отступая назад. – Прошу.

Главврач бросил на генерала внимательный взгляд и смущенно фыркнул.

– Извините, Илья Дмитриевич. Накладка вышла. Новая одежда для вас готова, видимо, забыли принести. Я дам команду...

Забыла, вернее, не успела, принести вещи Тоня. Просто не взяла их из корзины, уже подвезенной к дверям коттеджа. Внезапно пробудившаяся страсть Титова захлестнула и ее, и она ушла, так и не переложив новый гардероб пациента.

– Ничего, – махнул рукой генерал. – Подожду. Это далеко не самое главное, доктор.

Они прошли в комнату, сели – Титов на диван, главврач в кресло.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он.

– Как молодой... – пошутил генерал. – И надеюсь, это не пройдет...

– Что вы хотели узнать?

– Не надо, – покачал головой Титов. – Вы прекрасно делаете невозмутимый вид, но показывать непонимание не стоит. Вы и сами отлично знаете, что я хотел спросить. Давайте будем играть в открытую.

Главврач согнал улыбку с лица, выпрямился в кресле и вполне серьезно произнес:

– Давайте в открытую. Вас наконец проняло, и вы решили узнать, как и что происходит в этом странном пансионате, где умирающих стариков за две с половиной недели превратили в молодых парней. Что за методика такая, что за чудо-лекарства?

– Именно.

– Сегодня тридцать первое. Курс начат пятнадцатого, еще во время вашей поездки сюда. Хотя вы об этом и не знали. Итого семнадцать дней от старости до юности. А первые признаки омоложения вы заметили еще неделю назад. Вполне серьезные, конкретные признаки. Четко указывающие на то, что процедуры, мягко говоря, выходят за рамки обычного.

Главврач говорил спокойно, не торопясь, словно читал лекцию. Правда, в голосе была заметна легкая ирония.

– Я ждал, что это произойдет несколько дней назад. Но, видимо, ваши опасения прервать или остановить столь чудесное выздоровление не позволили начать разговор раньше. Я имею в виду не только вас, Илья Дмитриевич, но и других пациентов. Хотя кое-кто уже заседал на дежурных врачей и медсестер, теребил персонал и специалистов. Но пока эпизодически, без напора. Да и некогда особо спрашивать, график курса очень насыщенный. Сегодня, пожалуй, первый день, когда процедур вечером нет. Хотя... что следует считать процедурами?

Титов намек уловил и некоторые догадки относительно поведения медсестры и прочих несуразностей переросли в уверенность. Значит, процедуры? Ну-ну...

– Ну раз вы все знали заранее, все рассчитали, у вас должны быть готовы ответы на возможные вопросы.

– Верно. Готовы. Даже на те, какие вам в голову еще не пришли.

– Рад буду их услышать.

– Не сомневаюсь. Только, Илья Дмитриевич, давайте отложим разговор на завтра.

– Почему?

– Все просто. Сегодня процедуру пиковой нагрузки и критического состояния с переходом в ускоренную регенерацию кроме вас прошли еще семь человек. Остальные шестеро пройдут завтра. И завтра у них возникнут те же вопросы. Чтобы несколько раз не говорить об

одном и том же, мы наметили на завтрашний вечер беседу со всеми сразу. В конференц-зале главного корпуса. Там вы узнаете все.

Это «все» прозвучало настолько решительно и в какой-то мере обрекающе, что Титов даже не стал возражать. С самого начала разговора его не покидало ощущение, что за внешней беспечностью, веселостью и невозмутимостью собеседника скрывается что-то еще. Слишком уж спокоен и уверен был главврач. Так спокоен, что старый (теперь уже в переносном смысле слова) контрразведчик учуял неладное.

Главврач НЕ спокоен. И причина этого беспокойства отнюдь не в излишнем любопытстве пациента. Что-то произошло, и это «что-то» сильно давит на врача. Но он профессионал, умеет скрывать чувства. Только другого профессионала ему не провести.

– Наверное, сегодня день и вечер столь насыщены еще и для того, чтобы пациенты не общались между собой? – высказал догадку Титов.

Главврач не стал спорить.

– И это тоже. Но мы не можем запретить вам видеть других пациентов. На улице прекрасная погода, солнце, тепло. Людей не удержать в коттеджах. Тем более тех, кто прошел процедуру. Мы просто хотим исключить лишнюю нервозность...

– Идея верна, но расчет ошибочен. Я первый, к кому вы зашли?

Главврач помедлил и кивнул.

– А кто еще хотел поговорить «с начальством»?

– Петр Семенович Сорокин и Павел Константинович Оноженко.

Титов их знал. Паша Оноженко его коллега, контрразведчик. А Петр Сорокин бывший заместитель командира дивизии, в годы войны разведчик, командир взвода и роты. Эти должны были проявить инициативу, профессия обязывает.

– Не надо ни с кем разговаривать. Занимайтесь своими делами. А с ним поговорю я сам. Сейчас. Уверен, у меня лучше получится.

Сергей Владимирович внимательно посмотрел на генерала. И без улыбки заметил:

– Начали свою игру?

– Вы должны были хоть немного изучить мою биографию, – не стал возражать Титов. – Вы знаете, кем я был раньше.

– Знаю. Контрразведка. Очень серьезная контора.

– Куда серьезней... Я не начинаю игру. Я просто хочу понять, что происходит. Получить полную картину.

– Сомневаетесь в моей откровенности?

– Ничуть. Просто как нормальный контрразведчик, начинаю сбор информации с самых простых и доступных источников. А врать вам не имеет смысла. Это и так понятно.

Сергей Владимирович с интересом смотрел на генерала.

– Знаете, Илья Дмитриевич, несколько странное ощущение... Ваша речь – речь умудренного жизнью человека, опытного, знающего. Но ваше лицо! Слышать такие слова от молодого человека несколько...

– Диссонанс, – согласился генерал. – Несоответствие внешнего облика и сознания.

– Верно. Сейчас этот диссонанс вы не ощущаете. Но скоро ощутите.

– Каким образом?

– Коррекции подверглось не только ваше тело, но и разум. Смещена модель поведения. Понимаете?

– Не очень.

– Когда вы были стариком, у вас был один образ мышления. Человека, много повидавшего, знающего, житейски мудрого. Но отягощенного возрастом и проблемой со здоровьем. Оценка обстановки, критерии, модель поведения соответствовали возрасту. А сейчас тело обрело молодость. Нет фактора старости, нет тягот прожитых лет. Не беспокоит здоровье. И

ваше поведение, образ мышления в какой-то мере будут скорректированы. Однако этот момент еще не наступил.

Титов недовольно нахмурил брови. Эта сторона молодости его не очень устраивала.

– И что, я стану ходить под себя, дергать девчонок за косички, сидеть с компанией во дворах?

На лице главврача возникла улыбка.

– Не стоит бросаться в крайности. Я имею в виду, что оценка различных ситуаций теперь будет двойной. Со стороны умудренного годами ветерана и со стороны молодого парня. Не тревожьтесь. Эффект наложения образов мышления нам известен. И мы создали программу их сочленения. Понятно?

– Не очень, – признался Титов.

– Ну тогда наглядно. Молодой образ мышления назовем «быстрым». Старый – «медленным». Это условность.

– Ясно.

– Новый образ мышления – «средний» – возникает при наложении тех двух. Получается «быстрое» мышление со «старым» выводом или результатом. Называйте как угодно. Это очень и очень выгодно для вас, Илья Дмитриевич.

– Чем же?

– Представьте, вы идете по улице. Вас настигают хулиганы. Реакция старого человека? Уйти от конфликта, надавить на жалость или накричать. Ибо старик не имеет возможности противостоять молодым. А реакция молодого, здорового да еще тренированного? Дать по шее, да еще добавить. Так вот «среднее» мышление – это дать по шее, но в меру. Или напугать так, чтобы отстали.

– Хм! – Титов задумался. Приведенный пример не показателен. Скорее неудачен. Но и вправду нагляден.

Видимо, главврач сам это понял и тут же добавил:

– «Среднее» мышление – это не подавление одного другим, а их симбиоз. Когда надо, работает мудрость, скажем так. Когда надо – резвость. Вы будете быстро оценивать ситуацию и принимать решение исходя из опыта. Какого у молодых просто нет и не откуда взяться.

Это объяснение было гораздо лучше, и Титов довольно кивнул. Если так, то выходит просто замечательно!

– Я понял.

– Очень надеюсь на это.

– Да, тут есть над чем поломать голову.

– И с этим соглашусь.

Главврач украдкой взглянул на часы. Титов заметил это и спросил:

– Спешите?

– Еще много дел.

– Тогда не стану задерживать.

Они поднялись. Титов пожал руку главврачу и спросил:

– Значит, завтра мы услышим все объяснения?

– Да. Давайте в двадцать один час.

– Хорошо.

Он проводил доктора до двери и уже на пороге произнес:

– И еще вы расскажете о том, что вас так сильно тревожит, Сергей Владимирович.

Главврач буквально на секунду потерял над собой контроль. Лицо помрачнело, губы сжались, взгляд стал растерянным. Но только на миг. Потом он вновь обрел прежний вид. А Титов ковал железо, пока горячо.

– Не пытайтесь переиграть старого, вернее, опытного контрразведчика.

Доктор внезапно рассмеялся.

– Да, это было бы очень самонадеянно с моей стороны! Илья Дмитриевич, я сказал: вы узнаете все! Все!

– Хорошо. До завтра!

– До завтра, Илья Дмитриевич.

Сорокина Титов нашел на берегу озера. Оно было за границами санатория, забор из красного кирпича возвышался метрах в ста от берега.

Полковник сидел у невысокого обрыва на траве, привалившись спиной к березе. Заходящее солнце окрасило воду в розоватый цвет, а слабый ветерок гнал по ней легкую рябь. Вот на эту красоту и смотрел Сорокин.

Со спины толком не разглядеть, насколько сильно он изменился. Но Титов думал, что выглядел полковник ничуть не старше его самого.

Сорокин услышал шаги, чуть повернул голову, но оглядываться не стал.

– Привет, Петь, – подал голос генерал. – Не сильно помешал?

– Смотря чему, – насмешливо ответил Сорокин. – Заходу солнца точно не помешал. А мне... самую малость.

Титов обошел дерево и встал перед полковником. В общем-то он его узнал. Виделись два дня назад. Вытянутое лицо, сросшиеся брови и непропорционально мощный подбородок.

Но тогда Сорокин выглядел лет на пятьдесят. А сейчас перед ним сидел молодой парень. И хмурил свои густые брови. А вид был недовольный. Полковник упорно смотрел на воду, словно не замечая собеседника.

– Посмотри на меня, Петя, – попросил Титов.

– Зачем? Чтобы увидеть генерала Титова в двадцать пять лет? Или ты похвастать хочешь?

– Я не баба, чтобы хвастать внешностью. Не для того искал тебя.

– Даже искал!..

Сарказм в голосе полковника Титову не понравился. Было в нем что-то надрывное, предельное. Еще немного и сорвется помолодевший ветеран. Что с ним?

– Ты в состоянии слушать и понимать?

– Ну?

– Угу, – покачал головой Титов. – Извини. У тебя, видимо, шок еще не прошел.

Он сделал несколько шагов, когда сзади раздался голос:

– Илья! Я в порядке. Что ты хотел?

– В порядке? Не сказал бы. Что тебя тревожит, Петр?

Сорокин неожиданно вскочил. Резко, одним движением, развернулся на носках и встал лицом к Титову. Роста они были приблизительно одного, генерал чуть шире в плечах.

– Меня тревожит, Илья, цена вопроса!

– Не понял?

– Не понял? – скривил губы Сорокин. – Ну да, эти слова не из нашего лексикона. Это сейчас так говорят. Так вот, нам сбросили лет по шестьдесят – шестьдесят пять. Вычистили внутренности, как винтовочный ствол, восстановили форму. Ты не думал, что все это стоит хороших денег? Вернее, это стоит таких денег, что даже представить страшно. Ни у тебя, ни у меня, ни у кого из наших молодых ветеранов таких средств нет. Чем мы будем расплачиваться за омоложение?

Титов озадачено хмыкнул. В своих прикидках и размышлениях он вообще не рассматривал финансовый вопрос. А Петя Сорокин об этом подумал. Вот что значит штабист, у них голова всегда работает в двух направлениях – и о военном аспекте думает, и о тыле не забывает!

– И что ты надумал? – спросил он.

– А ничего, – спокойно ответил Сорокин. – Вообще ничего. Я пока бродил по лесу, пока сидел здесь, все варианты рассмотрел. И ни одного толкового. Даже если нас разберут на запчасти и продадут органы, все равно не окупят затрат. Или прибыль будет минимальна, ради такой огород городить не стоит.

Генерал удивленно хмыкнул. Действительно, полковник рассмотрел самые невероятные версии.

– А что-то менее радикальное?

Сорокин пожал плечами.

– Самое разумное – подопытные кролики. Наглядный пример новых технологий. Только... В договоре, что мы заключали, ни слова не сказано об участии в экспериментах и опытах. И силком нас здесь держать нельзя. Просто нет смысла.

– Давай присядем, – предложил Титов и первым сел рядом с деревом.

Сорокин неохотно последовал его примеру, а потом и вовсе лег в траву, закинув руки за голову.

– Я тоже пытался осмыслить произошедшее, – задумчиво проговорил Титов. – И версии выдвигал всякие. Правда, до столь экзотических не доходил.

Сорокин фыркнул, но промолчал.

– Сегодня обработали восемь человек, включая нас...

– Откуда знаешь? – тотчас спросил полковник.

– Сейчас скажу. Так вот, кроме нас, еще шесть человек ломают голову, чтобы это все могло значить. Радуются, конечно, но сомнения никуда не деть. И больше чем уверен, все или почти все тербят докторов и медсестер.

– Да, медсестер тербят все! – Сорокин вложил в слова несколько иной смысл и покоился на генерала. – Ты-то как, потербеть успел?

– Шас как дам по шее! – буркнул Титов, чувствуя смущение. – Треплю!

Полковник засмеялся. Хлопнул ладонью по ноге генерала и сел.

– Не сердись. Ты-то уж должен догадаться, что этих девочек нам подвели не зря.

– Догадался.

– И я. Причем еще до сегодняшних чудес. И свою опекуншу опробовал вчера.

Титов покачал головой. Раньше не замечал за полковником склонности к язвительности и пошлости. Хотя после пережитого никакая пошлость не кажется таковой.

– Ладно, проехали, – оборвал смех Сорокин. – Конечно, наши соседи расспрашивают врачей. И голову ломают. Или, как мы, спорят.

– Мы не спорим, пока не о чем, – педантично уточнил генерал. – И вообще я не о том.

– А о чем?

– Я успел поговорить с главврачом. Час назад.

– Да ну? – вполне искренне удивился полковник. – И что сказал главный эскулап?

– Подтвердил, что нас изначально должны были превратить в молодых. Что курс пока не завершен.

– И все?

– Все. А остальное расскажут завтра. После того, как все пройдут процедуры пиковой нагрузки.

– Пиковой! – вновь ухмыльнулся Сорокин. – Если не секрет, ты что делал?

Титов хлопнул ладонью по траве, спугнув бабочку.

– Дрался.

– Ага! Я тоже. А еще бегал на дорожке. Я до войны легкой атлетикой занимался, первый разряд по бегу имел.

Он рассмеялся, видимо, вспомнив подробности сегодняшних процедур, весело взглянул на Титова.

– Сегодня я, кажется, побил собственный результат семидесятилетней давности.

– А я раскидал манекены по всему залу. И вроде сломал один.

– Молодец! Слушай, может, они нас хотят чемпионами сделать?

Титов покачал головой.

– Затраты! Как ты говорил, не рентабельно. Проще молодых пацанов натаскать, чем стариков сперва омолаживать, а потом доводить до кондиции.

– Тоже верно, – вздохнул Сорокин. – Да, а что там главврач? Что он завтра расскажет?

– Все.

– Ну да? – недоверчиво протянул Сорокин.

– Думаю, он не обманул. Видишь ли, тут есть кое-что, что тревожит меня гораздо сильнее нашей внезапной молодости.

Сорокин повернулся к нему и нахмурил брови. Взгляд стал серьезным, сосредоточенным. И в нем проступило то прежнее, *знающее*. Как и говорил главврач, мозг бывших ветеранов оценивал ситуации с точки зрения богатого опыта. Молодой Петя Сорокин смотрел на Титова глазами умудренного жизнью Петра Семеновича.

«Наверное, и у меня такой же вид, – подумал генерал. – Не очень-то он привлекательный. Молодые не должны так смотреть. А старики – выглядеть молодыми...»

– Сам понимаешь, в первую неделю я не особо приглядывался к пансионату и вообще к обстановке. Не до того было.

– Как и мы все...

– А вот потом... словом, есть кое-какие наметки. И у тебя, и у других. Вот я и хочу собрать все наблюдения воедино. И попробовать восстановить картину, вернее, составить ее. Чтобы к завтрашнему разговору подойти не с пустыми руками.

– Ясно, – уловил идею Сорокин. – А начать ты решил с меня. Почему?

– Потому что, как сказал главврач, только ты и Пашка Оноженко задавали вопросы после процедур. Остальные или еще не пришли в себя, или пока думают.

– Или заняты беседами с медсестрами, – съерничал Петр.

На этот раз Титов не смутился, а захохотал. В самом деле, ситуация не лишена юмора – внезапно помолодевшие ветераны проверяют свои восстановленные способности самым простым и приятным способом!

– Давай, – отсмеявшись, произнес Титов, – выкладывай. Все, что заметил, все, что показалось странным, непонятным, нелогичным. Все, что успел узнать...

– А потом?

– А потом мы найдем Оноженко и расспросим его. А потом других. Кто уже опробовал... свои силы.

9

На ночь Тоня, как и обещала, пришла к нему. Это вышло как-то просто, естественно. Впрочем, с ее стороны проблем не было. Женский медперсонал, работавший непосредственно с пациентами, изначально был ориентирован на близкий контакт.

Медсестры – еще один, дополнительный и довольно важный «курс» процедур, предписанных ветеранам. Своего рода лакмусовая бумажка, определяющая степень и качество работы курса омоложения. Ибо возможность выработки тестостерона – одна из самых сложных составляющих всего курса. И его достаточное количество и качество – показатель успешности лечения.

И хотя анализы дают полную картину происходящих в организме пациентов изменений, прямой контакт с женщиной – лучшее свидетельство успеха. Да и с психологической точки зрения это крайне важно.

Словом, медперсонал был готов. А вот пациенты... С ними несколько сложнее. Это как после многолетнего перерыва входить в воду или вставать на коньки. Вроде и умение есть, и прошлый опыт богат, но вот так сразу...

Кто терялся, кто немного пасовал. Но, в конце концов, все прошло как нельзя лучше. Так что уверенный и довольный вид бывших ветеранов утром – заслуга прелестниц в медицинской форме.

Титов, увлеченный собором «разведданных», как-то проскочил этап застенчивости и неуверенности. Все происходило легко, непринужденно.

Силы в молодом организме было столько, что можно хоть всю ночь не спать. Но Титов не собирался тратить время на одни только утехы. Он хотел расспросить Тоню. Конечно, ничего особого она не скажет, но ему было важно услышать и увидеть не столько то, что она отвечает, сколько как отвечает.

Но его хитрые планы разбились в самом начале.

* * *

– Милый, – довольно потягиваясь, промурлыкала Тоня. – У меня свой круг задач. А в подробности я не посвящена. Что и как делают во время процедур, кто заправляет в фонде, в чем состоит процедура омоложения не знаю. Зато свои обязанности знаю отлично и исполняю их.

Лукавый взгляд снизу вверх и игривая улыбка.

– Ты вроде не жалуешься, а?

«Что ж, девочку подготовили. Странно, если бы этого не сделали. Тем более после моей беседы с главврачом, – насмешливо подумал Титов. – Минимум информации не по теме, максимум ласк и пустой болтовни. Но кое-что, крошка, ты мне все же сказала. Не словами, а поведением. И прикидываться простушкой не надо. Как и строить из себя путану от медицины. Здесь дешевых шлюх даже на незначительной должности держать не станут. Здесь вообще нет *посторонних*. Все свои, все в одной команде. Только вот что это за команда? Фонда «Реабилитация»? Или их хозяев?»

– Расскажи о себе, – сделал он еще одну попытку разговорить ее.

Но и тут Титова ждала неудача.

– Это моя маленькая, но большая тайна, – продемонстрировала она образец женской логики.

- Переведи, – пошутил он, обнимая девушку за плечи и подвигая к себе.
- Sapienti sat!⁴

Он чуть нагнул голову и поцеловал ее в губы, скрывая довольную улыбку. Ах, хитрюшка, ах, шалунья! Как же вы все прокалываетесь на мелочах. Особенно когда чувствуете себя победительницами!

Ну откуда простой девчонке знать старинную поговорку? Ведь это латынь. Нынешняя молодежь не особо интересуется древностью и оборотами речи прошлых веков.

«Ладно, умница, хватит с тебя. Ты и так дала пищу для размышлений. Профессиональный персонал с хорошей базовой гуманитарной подготовкой, с медицинским образованием и навыками опытной развратницы. Умеющий держать язык за зубами, исполнять свои обязанности на высоком уровне длительное время, неплохо знать психологию мужчин старшего возраста. Где только вас готовят?...»

- Ты задумался, Илья? – оторвала его от мысленного монолога Тоня.
- Да так.
- Заскучал?

Он хмыкнул и не ответил. Тоня притворно возмутилась.

- Заскучать в постели со мной?! В конце концов, это невежливо!

Титов покачал головой и вдруг сказал:

- Тоня, Тоня... Тонечка... Слушай, а как твое имя полностью произносится?

К чему задал этот вопрос, Титов объяснить не мог. Сработала интуиция или просто тело с языка. Прозвучало как нелепая шутка. Но девушка запнулась и с некоторой долей неуверенности ответила:

- Антонина! Как же еще?

И словно поняв, что сделала что-то не так, затормошила его и притворно нахмурилась.

- Ты что, это имя впервые слышишь?

Вместо ответа он поцеловал ее. Потом еще. И еще. А дальше стало не до разговоров...

Но странное ощущение тревоги и пробежавший по спине холодок он запомнил. Ибо понял, что медсестричка носит не свое имя. Почему? Еще одна загадка.

Утро и день следующих суток были заняты процедурами, сеансами и физическими нагрузками. Титов, немного поднаторев в лечебных вопросах, отметил, что физнагрузка следует за обстоятельными сеансами психологической обработки, а в качестве расслабления и закрепления результатов идут процедуры – ванны, облучения.

Кстати, и дежурный врач, повсюду сопровождавший Титова, подтвердил его догадку.

– Сейчас мы закрепляем достигнутый результат и насыщаем организм молодыми клетками. А ваше сознание привыкает к этому состоянию.

- И долго будете закреплять и усиливать?

– Этап закрепления и насыщения идет двенадцать дней. Это физические нагрузки с их постепенным возрастанием, психологическая релаксация, выстраивание и коррекция «среднего» сознания.

Похоже, вчера главврач объяснил персоналу, как нужно отвечать на вопросы пациентов. По крайней мере никаких отговорок, заумных терминов, способных сбить с толку и увести в сторону, не звучало.

⁴ Умный поймет (лат.).

Титов послушно выполнял все указания: глотал пилюли (он все лекарства называл пилюлями), подставлял спину, плечи и ноги под инъекции, неподвижно лежал в кресле, бегал, приседал, жал штангу, бил по манекенам и мешку, отлеживался в ванной.

Но мыслями был далеко. Ему хотелось переговорить с другими пациентами, особенно, с теми, кто сегодня проходит процедуру пиковой нагрузки. Эти-то будут просто переполнены впечатлениями.

Предпринятые вчера изыскания «инициативной группы» (как их назвал Оноженко) дали некоторую пищу для размышлений, но ничего принципиально нового или важного не принесли. Разом помолодевшие ветераны и те, кому предстоял день «превращений», поделились сомнениями и наблюдениями. Однако никакой конкретики не прозвучало.

Титов и этому был рад, чего-либо особенного он не ждал. Но вынужден был признать – хранить свои секреты персонал умел. А на одних догадках далеко не уедешь.

– Если они и впрямь решили все рассказать, – рассуждал вчера Паша Оноженко, – то наши метания окажутся лишними. А станут наводить тень на плетень, мы все равно этого не узнаем. У них все козыря, нам бить нечем.

Титов согласился с бывшим коллегой, но разговоры с ветеранами лишними не считал. Лучше иметь хоть что-то, чем ничего.

После обеда им завладела Тоня. Он только вернулся с небольшой прогулки и попал в ее горячие объятия. На этот раз в переносном смысле.

– Ну-ка живо на стол! – скомандовала она, разглядывая полуголого генерала.

Было довольно жарко, и, несмотря на работающий кондиционер в коттедже, Титов ходил в одних спортивных брюках. Его все еще (и вполне справедливо) радовало собственное тело – молодое, мускулистое, сильное. И возможность подставлять грудь ветру без опасения подхватить простуду.

– На какой стол? – весело спросил он. – И почему не на кровать?

Тоня погрозила пальцем.

– Время массажа, мой генерал. А не любовных утех.

Легкость, с которой она говорила о таких вещах, его уже не изумляла. В конце концов, Марита тоже не была ханжой в интимных вопросах.

Странно, он впервые после приезда в пансионат вспомнил о жене. События последних недель как-то отодвинули воспоминания в сторону. Генерал ощутил легкий укол беспричинной тревоги, попытался понять, что его насторожило, но не смог. Мозги, перегруженные сеансами, работали в ином направлении.

– Ложись-ложись, – поторопила его Тоня. Она уже стояла у большого массажного стола, растирая в ладонях мазь. – Брюки снимай.

Генерал попробовал еще раз сосредоточить внимание на ощущениях, но ничего не вышло. Мысленно плюнув, он быстро сбросил шлепанцы, скинул брюки и лег на живот. Упругая поверхность стола приятно холодила кожу.

– Готов? Закрой глаза и расслабься.

Массаж она делала мастерски. Причем как общий, так и лечебный, расслабляющий. Генерал массаж любил, особенно, когда Тоня работала над шеей, спиной и ногами.

Небольшие, но сильные руки умело прорабатывали мышцы, разгоняли кровь по капиллярам и погружали Титова в приятное состояние расслабления. Иногда он даже засыпал при массаже. В этих случаях Тоня накрывала его полотенцем и оставляла отдыхать.

В этот раз ее прикосновения разбудили в нем огонь страсти. Титов уже хотел было развернуться и обнять девушку, но та, быстро сообразив, в чем дело, начала работать жестче, сильнее, и постепенно внутренний накал угас. А под конец он задремал.

...Василий Бигмер. Лейтенант ОСНАЗ в отставке, главный бухгалтер сталелитейного завода, пенсионер, а теперь пациент пансионата. Восемьдесят шесть лет, два инфаркта, больные почки, желудок, остеохондроз, глаукома.

Теперь уже в прошлом. Сейчас же в спортивном зале пансионата среди манекенов работал среднего роста плотно сбитый мужчина лет сорока пяти. Действовал пациент быстро, ловко, даже грациозно. Умело работая ножом, пуская в ход то пехотную лопату, то палку, а то и руки.

Столь завидная сноровка больше подходит молодым людям до тридцати. Однако на явное несоответствие возраста и физических возможностей ни он сам, ни медперсонал не обращали никакого внимания. Врачи и инструктора внимательно наблюдали за пациентом, одновременно отслеживая показания датчиков. Через семь минут Бигмеру предстояло перейти в ванну, для продолжения курса процедур.

А пока бывший старик полосовал ножом очередной манекен...

* * *

Астахов Казимир Бориславович. По отцу поляк, по матери русский. Во время войны боец ОСНАЗ, а после электрик на заводе, старший мастер. Восемьдесят пять лет. Букет болезней: хронический артрит, глухота и прочие недуги. Тоже все в прошлом.

Казимир работал на комбинированном полигоне. Бассейн, беговая дорожка, полоса препятствий (в мини-варианте). Закрепление образа происходило гладко, без срывов. Даже с некоторым искусственным замедлением. Ибо Астахов вознамерился дважды переплыть бассейн под водой. С рюкзаком на спине. А весил рюкзак пятнадцать килограммов.

Столько резкий переход в активное состояние врачи не предусматривали. Хотя Астахов демонстрировал феноменальные функциональные возможности. Скрытые резервы организма, разбуженные процедурами, работали на все сто.

Сам же Астахов, почуввав чудесную свободу движения и силу, словно отыгрывался за годы болезни и немоги.

До ванны ему оставалось пятнадцать минут.

...Жарков Степан Иванович. Ровесник Астахова. Младший сержант в отставке, пограничник. С сорок второго до сорок пятого служил в полку НКВД. После войны вплоть до пенсии работал на заводе токарем. Проблемы со слухом, зрением, плюс обычный набор болячек.

Жарков работал в тире на имитаторах. Привычный ППШ, возникающие с разных сторон мишени, вполне реальный грохот стрельбы и вполне реальная отдача. Стрелял он с места, с колена, лежа, на бегу. Огневой контакт на коротких (до пятидесяти метров) дистанциях знаком Жаркову не понаслышке. На войне всякое бывало. И леса прочесывали, и банды бендеровцев ловили, и немецких окруженцев выкуривали из схронов.

Там кто быстрее оружие вскинул, кто быстрее спусковой крючок нажал и попал – тот и прав. А неправых либо хоронили с почестями, либо закапывали здесь же. А то и бросали – некогда всякую шваль зарывать.

Мишени в виде силуэтов вражеских солдат возникали внезапно. То в рост встанут, то с колена целят, то лежа из-за дерева. А то на бегу стреляют. Вначале Жарков работал несколько скованно, но, получив пару очередей (шарики с краской), ускорился и работал на автомате, не думая. «Думали» рефлекс.

Рефлексы и новое состояние организма запишут Жаркову в голову. А в ванне все закрепят, усилят и переведут на бессознательный уровень. Чтобы мозг и организм считали такое состояние нормальным, постоянным, исходным.

Конвейер пансионата работал четко, безостановочно, эффективно. Отлаженная программа резкого «скачкового» омоложения пациентов сбоям не давала. И последние из «подопечных» ложились в ванны, чтобы выйти оттуда молодыми, полными сил и энергии людьми. С новым телом, с «исправленным» мозгом, а также с недоуменными взглядами и кучей вопросов.

Ответы на которые уже были готовы.

...Оноженко Павел Константинович. В годы войны оперативник СМЕРШ, после – начальник особого отдела мотострелковой дивизии, а потом военком в Серпухове. Майор в отставке.

Он прошел программу «скачкового» омоложения еще вчера, сегодня весь день отдал процедурам, а вечер занял работой. Напрягал мозги.

Как и Титов, Оноженко искал объяснение происходящему в пансионате. Как и Титов, не находил. Имея скудные сведения, результаты собственных наблюдений и малоинформативные рассказы других пенсионеров, он не мог составить какую-то более или менее приемлемую картину.

Врач дать внятных объяснений не смог и просил подождать. Это встревожило майора, но последующий разговор с Сорокиным и Титовым несколько успокоил. Раз главврач обещал, значит, расскажет все.

Однако сегодня его вдруг обуяло желание отыскать ответ самостоятельно. И уже после процедур, оставшись один, он начал искать.

* * *

Он сразу написал на листе все возможные причины создания пансионата и привлечения в качестве пациентов военных пенсионеров. Причем исключительно тех, кто обладал немалым боевым опытом.

Список получился внушительным. Но никаких выводов сделать не позволял. Ибо все версии не могли быть проверены.

Немного подумав, Оноженко дописал уже маловероятные и малореальные причины. Вроде захвата заложников, истребления ветеранов, проведения опытов... Тоже никаких идей.

Тогда он дополнил список совсем уж невероятными, скорее фантастическими причинами. Все, что смог выдумать. Действие иностранной разведки, подпольная работа иностранных институтов медицины, развлечение олигархов, массовый гипноз и наваждение, деятельность полумифических тайных религиозных обществ.

Поняв, что его заносит, майор оборвал поток догадок на вовсе безумной мысли о появлении миссионеров из параллельных миров.

Оноженко любил читать, и на пенсии осилил множество книг советских, российских и зарубежных авторов. Читал все: от детективов Агаты Кристи и приключенческой романтики Сабатини до современной отечественной прозы. Многие из этого чтения вызывало в нем раздражение и отвращение, многое смех. Особенно новые книги о войне.

Словом, эрудиция майора была высока, и мозг, основательно взбодренный процедурами, работал отлично. Но вхолостую. Ибо отыскать более или менее приемлемую версию не мог.

Устроенный в одиночку мозговой штурм привел только к одному выводу: «Да хрен его знает!» То есть вернул майора к началу размышлений.

Зашедшего в тупик Оноженко спасли от закипания мозгов Сорокин и Стасюк.

Николай Тарасович Стасюк только час назад проснулся после «скачковой» программы. Ошалелый, толком не пришедший в себя после пережитого, а особенно после увиденного в

зеркале, немного успокоенный своей медсестрой, он был готов выслушать любого, кто внятно объяснит, что произошло.

Этим любимым оказался полковник Сорокин. Десятиминутной беседы хватило, чтобы Стасюк пришел в себя и смог трезво оценивать происходящее. Мало того, он даже смог критически подойти к делу. И вспомнить одну малозначительную деталь, на которую раньше вообще не обращал внимания.

Эту деталь он сейчас и рассказал Сорокину и Оноженко.

– Моя медсестра, Галя... сколько раз замечал, что по-русски она говорит с неким металлическим оттенком. Правильно, легко, но с напряжением.

– Считаешь, что она иностранка? – спросил Оноженко.

– Возможно.

– Было, – вздохнул майор.

– Что было?

Оноженко махнул рукой. Версия об иностранных специалистах, устроивших на территории России нелегальный исследовательский центр, уже была у майора. Не то чтобы вовсе глухая, но не нашедшая при здравом размышлении подтверждения.

Впрочем, он не отбрасывал никаких версий. Пока все точно не узнает.

– Что-то еще?

Стасюк пожал плечами.

– Ну, только тот факт, что я помолодел лет на тридцать за один день. И силенки у меня прибавилось... Однако, как я вижу, все через это прошли.

Сорокин посмотрел на стол, заглянул под него и насмешливо спросил Оноженко:

– Ты что тут, бумагу рвал?

– Что? – Майор поднял голову, проследил за взглядом товарища. – А, это... Искал ответ на вопрос.

– И как, нашел?

– Нашел, – кивнул майор. – Нашел, что лучше подождать еще... полтора часа и услышать главного врача. Или кто там будет объяснять суть дела.

– Хороший вывод, – улыбнулся Сорокин. – Знаешь, и наш генерал тоже пришел к подобному выводу. Вы с ним контрразведчики, мыслите одинаково.

– А где он сейчас?

– Отдыхает.

– Отдыхает? – удивился Оноженко.

– А что еще делать? Всех «новоокрещенных» мы уже встретили, поговорили, объяснили. Вот Коля один из последних. А ломать головы дальше не имеет смысла.

– Потому вы и пришли?

– Нет. Мы пришли предложить тебе прогулку к озеру. Вода уже теплая, почему бы не окунуться? Врачи вроде бы не против...

Оноженко вздохнул и встал.

– Ну купаться, так купаться! Голова и вправду не варит.

Сорокин хмыкнул. На берегу озера сейчас собираются все ветераны. Идею подал Баскаков. Так сказать, совещание перед собранием. Лишним не будет...

– Старая молодежь проводит совещание перед встречей с руководством, – улыбаясь, проговорил заместитель главного врача по технической части Николай Малубин.

– Это понятно, – спокойно заметил главврач Сергей Семенов. – После всего произошедшего им надо придти в себя и понять, что делать дальше. Ясно, что они считают нас не теми, за кого мы себя выдаем. Наша техника и наши возможности выходят за рамки их представлений.

– Как бы бежать не надумали!

Это сказал заместитель Семенова Игорь Репин, молодой врач, однако, судя по занимаемой должности, хороший специалист.

– Это вряд ли. У них просто нет на то причин. Ни наше поведение, ни наши действия не дают им основания для таких решений. Однако если им что-то не понравится в наших объяснениях, попыток уйти стоит ожидать.

Молчавший до этого представитель фонда Константин Лянерс спросил главврача:

– Вы думаете, они нам не поверят?

– Нет, в этом я не сомневаюсь, у нас достаточная доказательная база. Просто я не знаю, как они все воспримут. Хотя... среди них нет истеричных и слабонервных персон. А курс достаточно укрепил нервы и дал возможность мозгу критически и беспристрастно оценивать ситуацию. Нет, сомнений у меня нет, – повторил Семенов. – В конце концов, все зависит от нас.

– Посмотрим, – несколько уклончиво произнес Лянерс. – В любом случае что бы они не сделали, это их выбор. Мы свою задачу выполнили. Почти...

Последняя оговорка прозвучала неуверенно, словно Лянерс сомневался в успехе дела. Почувствовав это, он добавил:

– Через полчаса у нас будет возможность в этом убедиться. У вас, кстати, все готово?

– Да. Ждем только пациентов.

– Они возвращаются, – вставил техник, следивший по мониторам за периметром пансионата.

Все повернули головы и посмотрели на большой плоский экран, висящий на стене.

Короткая цепочка людей, одетых в спортивные костюмы, неторопливо шла от озера к воротам пансионата. Впереди Титов и Сорокин, чуть позади Баскаков и Оноженко. Остальные довольно тесной толпой следуют за ними.

Всего восемнадцать дней назад сюда привезли умирающих немощных стариков, в большинстве своем неспособных самостоятельно одолеть и полсотни шагов. Сейчас же по лесу шли молодые, здоровые, полные энергии парни. И только неторопливые жесты, излишне спокойная походка и уверенность, что приходит лишь с годами, хоть как-то ассоциировали их с теми стариками.

Глядя на пациентов, главврач удовлетворенно заявил:

– Они не убегут. Не привыкли бегать от трудностей. – И, посмотрев на собеседников, добавил: – Не в их характере.

10

Конференц-зал главного корпуса представлял собой просторное помещение, по размерам напоминающее спортзал обычной школы.

Располагался на верхнем – третьем – этаже здания. Вместо обычной крыши овальный свод, выполненный из светло-синего стекла. Светофильтры рассеивали солнечный свет, а после заката специальные лампы подсвечивали купол снизу, создавая эффект открытого неба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.